

Набиджан Турсун

Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии

От редактора

В настоящее время важное значение приобретает объективное изучение истории народов Центральной Азии, в том числе вопросы этногенеза уйгуров в Китайской историографии. В связи с этим монографическое исследование проблем по истории уйгуров раннего средневековья, этногенеза уйгуров, их автохтонности в Восточном Туркестане имеет большое теоретическое и практическое значение.

Предлагаемая вниманию читателей монография «Вопросы этногенеза уйгуров в Китайской историографии» принадлежит перу молодого ученого - Набиджану Турсуну. Книга является первой попыткой систематизации и анализа материалов, в том числе ранее неизвестных, по истории уйгуров. Работа дает возможность сопоставительного изучения китайского историографического исследования по средневековой истории. Автор стремится осветить процесс изучения Восточного Туркестана китайскими историками в течении XX века, оценить их роль и достижения в исследовании истории уйгуров в сравнении с более ранней историографией.

Для написания книги автор использовал материалы, содержащиеся в китайских исторических сочинениях, монографические труды ученых, архивные данные, научные статьи и разработки китайских, западных, русских и советских уйгуроведов, а также крупных специалистов по истории Центральной Азии.

Методологической основой исследования данной сложной и дискуссионной проблемы - проблемы этногенеза уйгуров и их автохтонности в Восточном Туркестане - являются комплексный подход, сравнительно-исторический анализ источников и исследовательской литературы,

позволившие более или менее объективно осветить некоторые дискуссионные вопросы по истории древних и средневековых уйгуров (раннего периода), представленные в историографических исследованиях китайских ученых.

В первой главе монографии «Вопросы этногенеза уйгуров в Китайской историографии», автор анализирует культурно-исторические традиции, языковые и этнические связи, происхождение народов Восточного Туркестана. Ученый стремится объяснить сущность современной китайской историографии по истории уйгуров. В этих целях вскрываются ее исторические корни, анализируются основные аспекты и ступени развития. В книге делается попытка выделить важные источники китайской историографии, как содержащие первоначальные сведения о происхождении и истории уйгуров.

Значительное место в книге занимает анализ двух диаметрально противоположных проблем - проблем этногенеза уйгуров и их автохтонности в Восточном Туркестане. Вокруг этих проблем развернулась большая дискуссия. Одна группа (Ли Дунфан) отвергала тюркское происхождение уйгуров и других родственных им народов. А другая - (Мухаммед Имин Бутра) доказала существование тесной взаимосвязи между уйгурами, казахами, киргизами и «кек турками». Была показана необоснованность концепции о том, что «тюрки и уйгуры не имеют ничего общего» и доказано, что уйгуры одно из тюркских племен.

Автор не только анализирует позицию двух групп, придерживающихся противоположных точек зрения, но и высказывает свое мнение по этому вопросу.

В книге отмечено, что китайские ученые выдвигали различные концепции относительно автохтонности уйгуров Восточного Туркестана. Так, согласно одной из них (Су Бэйхай), «уйгуры появились в Восточном Туркестане после

распада Уйгурского каганата». Автор подчеркивает, что подобные концепции не имеют под собой серьезных научных оснований. По мнению представителей другой группы (Дни Су) до своего «датированного» переселения в Восточный Туркестан в 840 году именно уйгуры в течение длительного периода занимали определенные территории и освоили этот край. Обобщая итоги дискуссии, исследователь приходит к выводу, что уйгуры вместе с родственными народами являются естественными правопреемниками территории Восточного Туркестана.

Во второй главе монографии «Этническая история уйгуров в историографии 1949-90-х годов» подробно анализируются проблемы историографии этногенеза уйгуров во второй половине XX в. В это время была создана КНР. С приходом коммунистов к власти идеи марксизма оказывают существенное влияние в качестве главной идейной основы на мировоззрение и методы исторических исследователей. Поэтому проблема Восточного Туркестана, в частности, уйгуров, ее этническая, политическая история и социально-экономическое развитие, вопросы культуры были подняты на государственный уровень.

Автор показывает роль целого ряда русских востоковедов в исследовании истории уйгуров, которые отмечали, что уйгуры - древнейший тюркский народ Восточного Туркестана. В книге указано, что изучение проблемы этнической истории уйгуров стало более глубоким лишь после «культурной революции». Наиболее крупные представители нового поколения ученых КНР в более научно-обоснованной форме продолжили дискуссию по проблемам этногенеза уйгуров и их автохтонности в Восточном Туркестане.

В результате дискуссии, отмечает автор, изучение этнической истории уйгуров было перенесено на еще более

ранний исторический период и в ряде исследований китайских ученых были затронуты истоки этногенеза уйгуров.

Автор правильно поступил, включив в книгу концепцию, предложенную Тайваньскими историками по этой проблеме. В КНР историки руководствовались коммунистической идеологией и методологией марксизма. Как известно, марксисты считают свое мировоззрение единственно верным учением и отвергают другие течения, как об этом красноречиво говорит господство коммунистической идеологии в бывшем СССР. А плюрализм мнений требует признавать вклад в развитие науки и других течений, в том числе зарубежных.

Точка зрения тайваньских ученых опирается на традиционные методы китайской историографии, а также на демократические принципы общественного развития, выработанные человечеством. Они исходили из собственных специфических идей и взглядов. Характерной особенностью тайваньской историографии, по мнению автора, является то, что ученые, исследуя вопросы древней и средневековой истории уйгуров, стоят в стороне от китаецентризма. Опираясь на исторические факты и реальность, они пришли к выводу о том, что уйгуры являются одним из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, имеющим свою самобытную многовековую историю, государственные и культурные традиции. Тайваньские историки на основе всестороннего анализа археологических, этнолингвистических, этнографических материалов, произведений китайских, западных и русских ученых пришли к объективным выводам. Поэтому взгляды тайваньских историков об этногенезе уйгуров и их автохтонности занимают достойное место в уйгуроведческих исследованиях.

В заключение автор приходит к совершенно правильному выводу, что «Китайская историография XX в. по этнической в средневековой политической истории уйгуров стала важным разделом современной китайской исторической науки и, сохранив фундаментальные традиции китайских авторов средневековья, усилила их актуальную направленность и политическую тенденциозность».

Итак, работа Набиджана Турсуна, как нам представляется, имеет не только познавательное значение, но и способствует воспитанию молодежи в духе патриотизма, интернационализма и дружбы между народами. На наш взгляд, монография вносит определенный вклад в изучение проблем этногенеза уйгуров и их автохтонности в Восточном Туркестане.

А.И. Нарынбаев, член-корреспондент НАН,
заслуженный деятель науки Кыргызской Республики

Введение

Уйгуры являются коренным населением Восточного Туркестана, ныне вместе с Джунгарией называемого Синьцзянь-уйгурским автономным районом КНР. Согласно официальной государственной статистике уйгуров насчитывают 7 млн. 100 тыс. человек, что составляет 45% населения СУАР [1]. По языку уйгуры относятся к тюркской группе алтайской языковой семьи языков, по расе принадлежат к европейской семье народов [2]. В религиозном отношении уйгуры исповедуют исламскую религию суннитского толка.

Уйгуры - один из древнейших тюркоязычных племенных союзов Центральной Азии, этногенетически связанный с позднегуннскими государствами [3].

Этногенез уйгуров - довольно сложный исторический процесс, исторически уйгуры занимали обширные территории и были тесно связаны с другими тюркскими племенами Центральной Азии. По мнению известного ученого-уйгуроведа А.Н. Бернштама, с точки зрения географического расселения уйгуры составляли три большие группы [4]:

1. Северная или селенгийская группа расселения;
2. Юго-западная или восточнотуркестанская группа расселения;
3. Северо-западная или семиреченская группа.

На данных территориях складывается уйгурский этнос, возникали государства, устойчивый характер приобрела историко-культурная традиция, преемниками которой и стали современные уйгуры Синьцзяна и Центральной Азии.

В русских и зарубежных востоковедных исследованиях подчеркивается тот факт, что уйгуры на протяжении длительных исторических периодов играли доминирующую роль в Центральной Азии и благодаря этому явились той тюркоязычной

нацией, которая с древнейших времен обладала богатой этно-исторической и культурной традицией.

По мнению В.В. Радлова, «Уйгуры не только принадлежали к числу древнейших тюркских племен, но и были весьма многочисленным тюркским народом, занимавшим с древнего времени выдающееся место в среде тюркских племен на западе» [5].

Такого же мнения придерживается другой известный ученый-тюрколог С.Е. Малов. Он отмечает, что «Уйгуры в древние времена были культурнейшим народом Центральной Азии с весьма развитой городской жизнью» [6].

То, что уйгуры играли ведущую роль в политической, экономической, социальной и культурной жизни Центральной Азии во многие периоды ее истории подтверждается исследованиями западных, русских и советских востоковедов. Историческая роль уйгуров была показана, обстоятельно изучена и высоко оценена, прежде всего, российскими учеными. Например, в известной работе С.Г. Кляшторного отмечается: «С 763 года и почти до конца столетия уйгуры стали решительной политической силой в делах Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы...» [7]. «Уйгурский каган - как сообщают древнетюркские Карабалгасунские надписи - вернул под свою власть Бешбалык, Кочо. Тибетцы и карлуки были разгромлены. Уйгурские войска дошли до Ферганы» [8].

В 840 г. уйгуры, отделившись от своего политического центра Орхонской долины, вновь воссоздали в Восточном Туркестане ряд своих независимых государств - государство Караханидов (950-1212), Турфанское индикутство (866-1369), Ганьчжоуское государство (847-1036), которые в короткий исторический период вновь приобрели ведущую роль в политической жизни Центральной Азии.

По мнению Л.Н. Гумилева, «Уйгуры унаследовали китайские владения Западного края и превратили форпост китайского проникновения на Запад в собственный оплот в Средней Азии и против мусульман, и против китайцев. Причем те и другие неуклонно слабели» [9].

Это было отмечено и Г. Вернадским: «Роль уйгуров в средневековой истории Центральной Азии была весьма значительной в политическом и культурном отношении. Контролируя срединную часть торговых путей из Китая к Каспийскому морю, уйгуры во многих отношениях стали посредником между китайской и индоевропейской цивилизациями» [10].

Историческую роль уйгуров в жизни Центральной Азии обосновывали в своих трудах и такие выдающиеся ученые востоковеды, как Н.Я. Бичурин (1777-1853), А. Казембек (1802-1870), В.В. Григорьев (1816-1881), Э. Бретшнайдер (1813-1901), Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860-1936), В.В. Бартольд (1869-1930), В.П. Васильев (1818-1900) и другие.

Позднее данные характеристики исторической роли уйгуров в Центральной Азии были подтверждены в фундаментальных уйгуроведческих трудах Д.И. Тихонова, Б.А. Литвинского, Б.П. Гуревича, Л.И. Думана, А.Г. Малявкина, Л.Р. Кызласова, Л.А. Боровковой, культурные традиции уйгуров освещены в работах Э.Н. Наджиба, Л.А. Чвырь, Н.А. Баскакова, Э.Р. Тенишева, А.Н. Кононова, Л.Ю. Тугушевой, Д.Д. Васильева, Д.М. Насилова, А.И. Нарынбаева, М.К. Хамраева и других. Таким образом, исследования, проведенные русскими и советскими учеными по этнической и политической истории и культуре уйгуров заложили основу возникновения нового научного направления в востоковедении - уйгуроведения.

Под влиянием русской и советской научной школы, изучавшей историю уйгуров, как одного из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, практически с начала нашего столетия стала формироваться и современная китайская историография, которая составила значительную часть в фонде мирового уйгуроведения.

Основную роль в зарождении и развитии китайской историографии XX века по истории уйгуров сыграли такие ученые как Ван Говэй, Ван Живэй, Ли Футун, Сян Да, Фэн Чэнцзюнь, Лян Юаньдун, Хуан Вэньби, Чэнь Чжунмянь, Цзянь

Синлянь и Фэн Цзяшэн, Линь Гань, Чэн Суло, Му Гуанвэнь, Гу Бао, Су Бэйхай и другие.

Китайская историография по истории уйгуров имеет уходящую корнями в раннее средневековье традицию и формировалась в качестве составной части собрания сведений о сопредельных народах в силу близости уйгурских государств к Танскому Китаю.

Наряду с уйгурами на северных границах китайской империи жили и другие народы, предки с древнейших времен тесно соприкасались и имели определенные политические отношения с китайскими государствами. Между ними на протяжении ряда столетий происходили войны и конфликты за сферы влияния, которые часто влекли за собой изменения политической и социально-экономической ситуации и приводили, в конечном счете, даже к ослаблению китайских государств.

Эти коллизии послужили причиной зарождения уже в тот период отдельной отрасли китайской историографии, включавшей в себя сведения по этногенезу, политической истории, этнографии, способам хозяйствования тюркских народов, и, в первую очередь, - уйгуров, с которыми соперничали китайские государства.

Основной целью сбора сведений о тюркских народах, которые были беспокойными соседями для китайских государств, было подробное изучение их обычаев и традиций, истории, государственного устройства, поведенческих особенностей в различных ситуациях, что имело целью обеспечить себе возможность влияния на политические действия центральноазиатских правителей.

Наглядным примером тому являются сочинения «Ши Цзи» («Исторические записки») и «Ханьшу» («История династии Хань») составленные китайскими историками Сыма Цянем и Бань Гу, в которых дана подробная историческая характеристика Тянь-Шань Бэйлу и Нань Лу, как тогда называли Джунгарию и Восточный Туркестан, детальным описанием городов-государств уйгуров, военной, географической, социально-экономической и политической структуры этих государств. По сведениям Сыма

Цяня и Бань Гу, традиции национальной государственности в Восточном Туркестане насчитывают более чем двухтысячелетнюю историю [11].

Это свидетельствует о том, что с древних времен у китайских государственных деятелей существовал неослабевавший интерес к соседним народам. Этому придавалось большое значение и таким образом, собственно, и возникла китайская историография государств Центральной Азии в столь ранний период. Причем первые летописи именно китайских историков послужили основой для проведения китайскими государствами своей имперской политики по отношению к соседним государствам.

Таким образом, чтобы понять сущность современной китайской историографии по истории уйгуров необходимо выяснить ее исторические корни, показать ее основные аспекты и ступени развития.

Современная китайская историография, как уйгуров, так и других народов страны, по характеру описаний, оценке значимости событий и целому ряду других особенностей строго придерживается древней историографической традиции. Зарождение ее относится еще к периоду создания первых письменных исторических источников в XIII-XII вв. до н.э. Условная периодизация китайской историографии разработана в трудах китайского историка Лю Цзе (1901-1977), который выделяет три основных периода:

1. Период Вэй Цзин - эпоха северных государств;
2. Период - Северная Сун;
3. Период - эпоха Цинско-маячжурской империи [12].

По его мнению, первоначальная историография Китая зародилась в эпоху династии Западная Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.) и Чжаньго (476-221 гг. до н.э.) написаны книги «Гоюй» («Речи царств»), «Цзочжуань» («Биография Цзо Цюмина»), «Чуньцю» («Весны и осени»), «Чжаньгосэ» («Хроника борющихся царств»), Чжушу Цзинянь» («Бамбуковые анналы»), а также «Шань хай Цзин» («Состояние рек и морей») и другие книги, в которых

подробные сведения о древнейших китайских государствах более раннего периода - с эпохи второго-первого тысячелетий до н.э.

Конфуций (551-479 гг. до н.э.), живший в эпоху Чунь-Цю, первый китайский историограф, будучи очевидцем событий своего времени подробно описал по дням, годам и месяцам историю современных китайских государств своего времени. В своей книге под названием «Чунь-Цю» он, впервые в китайской историографии, предложил хронологическую форму изложения исторических событий. Благодаря этому, Конфуций и считается в китайской науке отцом китайской историографии [13].

В эпоху Чжаньго китайская историография вступила на путь дальнейшего развития. К этому периоду относятся известные исторические сочинения «Гоюй», «Шибэнь», «Чжаньгосэ», и «Чжушуцзинянь». В эпоху Чжаньго была написана Цзо Цюмином книга «Цзочжуань». Цзо Цюмин, комментируя книгу Конфуция «Чуньцю», на ее основе, более последовательно применяя хронологический принцип, описал заново весь период эпохи Чуньцю, охватывающий более 240-летний период истории. Ставший основополагающим для современной китайской историографии, этот труд Цзо Цюмина основан на философских идеях Жоуцзяо [14]. Книга «Гоюй», также написанная Цзо Цюмином, по содержанию охватывает тот же период Чжаньго, но в ней даются сравнительные характеристики политического состояния отдельных государств этого периода.

Основная разница между этими сочинениями Цзо Цюмина заключается в том, что в книге «Цзочжуань» дается описание основных событий в древнекитайских государствах, а в книге «Гоюй» шире показаны социальный и культурный фон, раскрываются вопросы «о языках и понятиях».

«Чжушуцзинянь» является книгой, содержащей хронологические описания она написана на бамбуковых табличках. Эта книга, наряду с книгой «Мутяньзичжуань», была написана и закончена в эпоху Чуньцю и Чжаньго (771-221 гг. до н.э.). В этом источнике описываются события от эпохи Шай-Чжоу (XVI-VIII вв. до н.э.) до эпохи Чуньцю (771-476 гг. до н.э.).

Книга «Чжушущинянь», утерянная в эпоху династии Сун, (960-1125 гг.) была найдена в эпоху маньчжурско-цинской династии (1644-1911 гг.) известным ученым Ван Глвэем и Чжу Юпэнем. В результате кропотливой работы по систематизации источников написанных на бамбуковых дощечках, эти ученые (каждый в отдельности) создали сборник сведений о древнекитайских государствах.

Вышеуказанные источники упомянуты здесь нами не только для того, чтобы показать давние историографические традиции китайской науки, но вместе с тем, чтобы выделить эти источники, как содержащие первоначальные сведения о происхождении и истории уйгуров.

В этих произведениях описаны не только события внутренней жизни древнекитайских государств, но и сведения об их взаимоотношениях с предками и других народов Центральной Азии, Монголии и Южной Сибири.

Несмотря на то, что информация в этих сочинениях является не точной, не всегда объективной, они считаются одними из первых собраний сведений по истории Центральной Азии и считаются важнейшими источниками по данной теме и до настоящего времени. Этнонимы в данных произведениях переданы посредством китайских иероглифов в такой форме, которая может иметь оскорбительное значение, и искажает фонетическое звучание и даже суть названия некитайских народов, населяющих издревле Центральную Азию.

Например, в III тысячелетии до н.э. в китайских источниках племена хунну по китайски названы «сяньюй», что в смысловом переводе с китайского означает дикого животного.

В XVII-XI вв. до н.э. этноним «гуйфан», связанный с этногенезом уйгуров [15] также в китайском языке обозначает оскорбительное в китайском обиходе слово. К примеру, первый иероглиф «гуй» - означает «дикий, варвар, дьявол», вторая часть «фан» - сторона, земля. Отсюда вытекает, что иероглифы китайских источников словом « гуйфан» обозначали территории древних предков уйгуров как «страну диких варваров».

В более поздний период стали применяться и другие названия такие как «жун», «ди», что также по смыслу носит оскорбительный характер и переводится как «воинственный», «дикий».

В данных источниках содержатся сведения о довольно сложной истории взаимоотношений предков уйгуров с древнекитайскими государствами, что свидетельствует о соперничестве на протяжении длительного периода.

Наиболее полные сведения о Восточном Туркестане впервые обстоятельно даны у истоков Сыма Цяня (145-96 гг. до н.э.) в работе «Ши Цзи» («Исторические записки»). В этом произведении Сыма Цянь на основе древнейших китайских источников впервые систематизировал хронологическое описание сведений о предках уйгуров. При этом он описывает очень длительный период взаимоотношений древнекитайских государств с уйгурскими племенными союзами. Хронологически эти сведения охватывают не только период, в котором он жил, но и включают более древний - вплоть до II в. до н.э.

После «исторических записок» Сыма Цяня появился ряд работ, заложивших основу китайской историографии. Среди них наиболее известными являются «Ханьшу» («История династии Хань»), написанная Бань Гу (32-92), «Хоу Ханьшу» составленная Фань Е (398-445) и «Хань Цзи», написанная Суй-Юем (148-209).

В этих работах содержатся наиболее полные сведения о древнейших предках уйгуров и других тюркоязычных народов - таких, как динлин, сюнну (гунны), усунь, юечжи, чэши и других, описаны экономическая и политическая жизнь этих народов, даны характеристики городов-государств Восточного Туркестана и их тюркоязычного населения.

Эти книги служат до сих пор в качестве первоисточников и имеют большое значение в китайской историографии, в изучении народов, населявших в древний и средневековый период Центральную Азию.

В китайской историографии на протяжении V-IX вв. н.э. появился еще ряд работ, имеющих важное источниковедческое значение. В их числе «Саньгочжи» («История трех царств»),

написанная Чан Шоу (232-297 гг. н.э.), «Вэйшу», написанная Вэй Шоу (506-572 гг. н.э.), книга «Бэйши» («История северных династий»), «Тундянь», «Суйшу», «Бэй Чжоушу».

В этих работах содержатся более конкретные сведения о политической, экономической, культурной жизни древне-уйгурских племен гаочэ (галгюй) - теле и охватывается период V-VIII вв.

С наступлением эпохи династии Северная Сун (960-1125) китайская историография получает дальнейшее развитие. Из наиболее известных хроник этого периода следует назвать «Цзю Таншу», «Синь Таншу», «Цзычжитунцзянь» автор Сыма Гуан «Танхуйяо», «Сэфуюаньгуй» имеется и ряд других. В этих работах имеются сведения собственно об уйгурах и Уйгурском каганате.

В работах китайских историков раннего средневековья обстоятельно изложены наиболее полные сведения об уйгурах, их этнополитической, социально-экономической и духовно-культурной жизни. Вышеперечисленные источники, имеют большое значение в изучении истории уйгуров периода XI-XII вв.

В работах позднего средневековья, которые охватывают XIII-XVII вв., например, в книгах «Синьюяньши», «Юаньши», «Мэндабэйлу», «Циданьгочжи», «Мин ши» и других также присутствуют исторические разделы и хроники отдельных периодов и события из истории уйгуров. Это позволяет нам высказать предположение о том, что именно в ранне-средневековый период в китайских исторических сочинениях была заложена и последовательно сформировалась традиция изучения древних уйгуров и их государственных образований, что послужило одновременно и основой для формирования китайской историографии нового времени. В XX веке эти исследования китайских ученых выделились уже в целое научное направление и рассматриваются в качестве самостоятельного раздела в китайской историографической науке - исторического уйгуроведения.

Начало китайским историческим исследованиям, посвященным истории уйгуров в средние века положил в нашем

столетии историк Сяк Да. В 20-е годы он опубликовал статью «Книгопечатанная техника турфанских уйгуров». Она выполнена на основе перевода фрагментов из европейской научной литературы и представляет собой тематическую компиляцию.

Здесь следует отметить, что вообще на китайские исследования об уйгурах в начале XX века, наряду с историографическими традициями, значительное влияние стала оказывать западная научная литература по истории уйгуров.

Также значительным было влияние и японской историографии. Японские ученые занимались исследованиями истории уйгуров, главным образом в описательном плане, на основе изучения китайских источников. Это стало основой для взаимного сотрудничества японских и китайских ученых.

В 30-40-е годы XX века на развитие китайского уйгуроведения значительное влияние оказали исследования русских, и особенно, советских ученых, накопивших громадный опыт по изучению истории уйгуров.

Глава I

Освещение этногенеза уйгуров до 1949 года и тайваньская историография

Территория Восточного Туркестана издавна была заселена многочисленными племенами, языковые и этнические связи которых до сих пор привлекают пристальное внимание исследователей. И это вполне оправдано, так как народы, проживающие на данной территории, различные по происхождению и культурно-историческим традициям, создали сложную относительно устойчивую систему, многие вопросы которой, несмотря на привлечение таких наук, как история, археология, антропология и лингвистика, остаются еще недостаточно изученными. Поэтому изучение проблемы этногенеза и этнической истории каждого народа в отдельности во многом способствует системному изучению всех народов Восточного Туркестана.

Если учесть, что народы Восточного Туркестана уже в далекой древности прошли этап дифференциации в хозяйственно-культурном отношении, что здесь издавна соседствовали оседлоземледельческое хозяйство оазисного типа и экстенсивное, кочевое, скотоводческое хозяйство, которые не только не были изолированы друг от друга, но и достигали известных форм [1] симбиоза, то вопрос происхождения народов этого региона представляется сложным как для научного анализа, так и в силу актуальных особенностей региона для изучения межнациональных отношений.

Исследование этногенеза народов всего Восточного Туркестана не является предметом данной работы. Основное внимание здесь уделено лишь этногенезу наиболее крупного регионального этноса - уйгуров, составляющих 45% населения современного СУАР. Фактологической базой работы явились труды китайских ученых, написанные в 1930-1940-е годы.

Рассматриваются чисто историографические вопросы, так как в фокусе представленного исследования является изучение уйгуров в китайской историографии 1-ой половины XX в. Исследуются различные точки зрения китайских историков по вопросу этногенеза уйгуров для лучшего понимания и правильной оценке роли и места уйгурских государств в истории Восточного Туркестана.

Внимание исследователей при изучении этногенеза любого народа, в том числе и уйгурского, прежде всего, привлекает самоназвание народа [2]. Анализу этого вопроса посвящены работы Ван Живэя. В 1937 году вышла в свет его статья «Исследование эволюции самоназвания уйгуров» [3], в которой автор на основе тщательного изучения китайских документов, относящихся к разным периодам истории, впервые попытался раскрыть значение этнонима «уйгур». Ван Живэю удалось довольно убедительно аргументировать происхождение данного этнонима. Он рассмотрел свыше 40 вариантов китаизированного звучания самоназвания уйгуров, составил подробные хронологические таблицы этнических наименований и дал полный их список. Он также внимательно проследил, как на протяжении длительного исторического отрезка времени изменился облик этнонима (его звучание, произношение). Благодаря богатой фактологической базе, стройному анализу, и убедительным выводам, работа Ван Живэя, бесспорно, является вполне состоятельной с научной точки зрения. В то же время она дала толчок дальнейшим исследованиям в этой области.

Другая фундаментальная работа Ван Живэя «История динлинов» (1936) является одним из важнейших исследований автора по этнической истории уйгуров. Он последовательно рассмотрел в ней общую историю динлинов, базируясь на сведениях древних летописей «Шицзы» («Исторические записки») Сыма Цяня, «Ханьшу» («История династии Хань»), «Вэйшу» («История династии Вэй»), «Суйшу» («История династии Суй»), а также старой и новой «Таншу» («История династии Тан»), приходя к выводу, что динлины и сюнну относятся к одной этнической группе и являются тюркоязычными народами.

Ван Живэй, анализируя источники, составил полный список телеских племен, указав свыше 40 этнических наименований, имеющих тесные связи с уйгурами-вэйхэ, ухэ, баерку, тонло (дунло), вуху... и т.д. Ван Живэй в конце своей работы специально рассматривает историко-географическое положение государства динлинов и далее - гаочэ, теле, а также проблемы их автохтонности в Восточном Туркестане.

Рассматривая взаимоотношения динлинов с другими народами региона - жуань-жуанями, сяньби и эфталитами (яньда), автор приходит к выводу о том, что динлины во времена ханьской империи (206 г. до н.э. - 220 г.) были разделены на две ветви: западные динлины, жившие между Алтаем и Тарбагатаем и граничившие на юге с усунями, а на западе - с кангюйцами, и северные динлины, жившие в районах Прибайкалья.

Опираясь на сведения «Суйшу» и «Синьтайшу» («Новая история династии Тан»), Ван Живэй пришел к выводу, что племена гаочэ в эпоху династии Вэй довольно широко расселялись на всем пространстве между территориями современных Туркестана и Монголии. По мере усиления, их влияние достигло Припамирских областей. В период правления Суйской династии (581-618 гг.) племена гаочэ, по-видимому, расселялись и на большей территории, поскольку телеский союз племен, в которых они входили, к тому времени распространил свое влияние от бассейна р. Тогла в Монголия до восточного побережья Каспийского моря [4].

Следующая работа Ван Живэя «Беседа с господином Вэнь Юанем об этнонимах Хуйхэ и Хуйхуй» (1936) также имеет непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. На этот раз он проанализировал происхождение этнонимов «хуйхэ» и «хуйхуй» и исследовал взаимосвязь между этими названиями, которые именовали уйгуров китайские источники VII-XIV вв. При этом автору удалось не только раскрыть соотношение этих этнонимов, но и отметить роль уйгуров в истории Восточного Туркестана в период раннего средневековья [5].

Следует отметить, что работы Ван Живэя занимают особое место среди китайских исследований, специально посвященных

истории раннесредневековых уйгурских государств, так или иначе освещающих вопросы этногенеза уйгуров. Он первым среди китайских ученых обратился к теме этнической истории и этногенеза уйгуров в самый ранний период их истории - до образования Тюркского и Уйгурского каганатов в Центральной Азии. Основные проблемы и результаты исследований данной темы изложены им в работе «Древняя история уйгуров: проблема динлинов и гаочэ» [6], опубликованной в 1935 г. В этой работе на основании китайских источников III в. до н.э. - VIII в. прослеживаются этногенетические процессы становления уйгурской нации и делается вывод об их прямой генетической связи с динлинами (III в. до н.э.). Так, по мнению ученого, динлины и сюнну принадлежат к одной этнической ветви и фактически являются прямыми предками современных уйгуров. Он показал, что этническую основу современных уйгуров составили племенные объединения гаочэ, теле и хуйху, вышедшие из суперсоюза сюнну (гуннов) [7].

Хотя Ван Живэю удалось разрешить многие вопросы, связанные с этногенезом уйгуров, его работа тем не менее вызвала неоднозначную реакцию в академических кругах Китая. Вокруг нее развернулась большая дискуссия, обнаружившая разногласия ученых в вопросе этногенеза уйгуров и этнической истории народов Восточного Туркестана. В принципе, эти разногласия в какой-то мере отражали сложную идейно-политическую ситуацию в Восточном Туркестане тех лет, отчасти обусловленную тем, что этот регион Китая граничил со среднеазиатскими республиками Советского Союза, испытывая некоторое влияние коммунистических идей. Наряду с этим в Восточном Туркестане были популярны идеи и носители идей пантюркизма, панисламизма, панкитаизма и даже великоханьского политического приоритета. Очевидно, что на возникновение и проявления столь разных течений политической мысли повлияла, во-первых, полиэтничность этого региона, где издавна сосуществовали разные народы и традиции, что способствовало процессу этнокультурного, но не идеологического синтеза. Во-вторых, политика, проводившаяся правящими кругами Китая по

отношению к народам Восточного Туркестана, явно не отражала интересов местного населения и, более того, ставила своей целью нивелирование местных национальных культур. Следует признать, что в своей основе это была явно шовинистическая политика, более полувека вызывавшая среди местного населения недовольство и стремление к самоопределению. Каждый народ прямо или косвенно изъявлял желание добиться независимости или, по крайней мере, рассчитывал на признание его суверенитета со стороны правящих кругов Китая. На этом фоне любая научная работа, посвященная проблемам этногенеза того или иного народа Синьцзяна, как бы подспудно усложняла политическую ситуацию, способствуя нарушению предполагаемого идейного единства страны. Поэтому поднимать вопрос об этногенезе уйгуров - самого многочисленного народа в Восточном Туркестане, значило поднимать политический вопрос [8].

В 1944 году дискуссия по этногенезу уйгуров возобновилась. На этот раз с противоположными точками зрения выступили представитель уйгурской интеллигенции, известный историк Восточного Туркестана - Мухаммед Имин Бугра (1901-1965) и представитель китайской стороны - Ли Дунфан. Статьи этих двух направлений поочередно выходили в газете «Чжун ян жибао» (октябрь, ноябрь 1944 г.), издававшейся в Цун Чине и в журнале «Алтай», издававшемся вначале в Цун Чине, а затем в Урумчи. Необходимо заметить, что высказывания и выводы Мухаммада Имина Бугра и Ли Дунфана относительно этногенеза тюркских народов Восточного Туркестана вызвали большой интерес среди специалистов, занимавшихся проблемами Центральной Азии, прежде всего из-за того, что они придерживались диаметрально противоположных взглядов.

Ли Дунфан в своих работах категорически отвергал тюркское происхождение уйгуров как, впрочем, и других родственных им народов: казахов, кыргызов, узбеков, татар и др. Ли Дунфан в своих статьях, оппонируя точке зрения Мухаммада Имина Бугра, проигнорировал все материалы европейских и российских ученых по тюркологии и ограничился только китайскими хрониками, довольно своеобразно их трактуя.

Рассмотрев его точки зрения в вопросах автохтонности уйгуров Восточного Туркестана, а также в вопросах об их взаимоотношениях и генетической общности с другими тюркскими народами, можно заключить, что Ли Дунфана меньше интересовала научная сторона его работы, которая была пожертвована ради политических интересов китайского государства.

С совершенно противоположным мнением и подходом выступил Мухаммад Имин Бугра. Опираясь на обширный фактологический материал, китайские хроники и исследования европейских и российских ученых, начиная от Геродота и Плиния, и ссылаясь на А.Стейна, Т.Томсена, В.Радлова, В.Бартольда и др., он доказал существование тесной взаимосвязи между многими ответвлениями тюркского этноса - уйгурами, казахами, кыргызами и т.д. включая и так называемых «кек тюрков» - тюркского рода, правившего на территории Восточного Туркестана во времена Тюркского каганата (552-744 гг.).

Следует отметить, что Мухаммад Имин Бугра хорошо владел английским, арабским, китайским, персидским языками и языком урду. Ознакомившись с методиками и открытиями европейских и русских авторов (с большинством - в оригиналах), он широко использовал труды вышеуказанных и других авторов. Сам он опубликовал ряд научных работ, среди которых наиболее известной считается «История Восточного Туркестана» (1940). Эта монография посвящена древней, средневековой и новой истории Восточного Туркестана. Именно эта работа укрепила высокий авторитет Мухаммада Имина Бугра на его Родине и за ее пределами, но именно она привела к тому, что в 1949 году он был вынужден эмигрировать из Китая. Его монография «История Восточного Туркестана» до сих пор запрещена в КНР.

Ли Дунфан попытался опровергнуть точку зрения Мухаммада Имина Бугра, ссылаясь на то, что в китайских летописях, в которых «уйгуры» именуется как «вуху», «вэйхэ», «хуйхэ» - уйгуры противопоставляются правителям Тюркского каганата. «Уйгуры и тюрки в разное время достигали подъема и упадка в эпоху правления династий Суй и Тан. Более того, тюрки

были в состоянии постоянной конфронтации с танской династией. Уйгуры же помогали династии Тан. Как же мы можем считать уйгуров частью тюрков?» [9]. По логике Ли Дунфана получалось, что тюрки и уйгуры не имеют ничего общего. Если нам позволят аналогию (которые, конечно же, всегда приблизительны), то по логике Ли Дунфана - противостояние поляков с русскими в определенные периоды их истории, автоматически исключают либо русских, либо поляков из общего для них славянского этноса.

Примерно в таком же духе Ли Дунфан расспрашивается с тюркскими корнями представителей других тюркских народов, проживающих в Восточном Туркестане. Например, Ли Дунфан, не отделяя казахов Восточного Туркестана от казахов бывшего Советского Союза, исключает их тюркское происхождение [10]. Еще более парадоксально китайский ученый писал о кыргызах: «... в танских источниках они именовались «сягасы» и проживали по соседству с уйгурами. Они (кыргызы), - писал он, - не были тюрками» [11].

И тут в полемику опять вступает Мухаммед Имин Бугра. На основе анализа не только древних китайских источников, но и источников, написанных на греческом, иранском языках, свидетельствующих о тюркском составе Восточного Туркестана, он показал неправомочность подобных заключений: «То, что уйгуры - одно из тюркских племен, признано всеми европейскими учеными. На западе реки Орхон, протекающей по северу Монголии, есть древний город, именуемый Кара-балгасуном. Это была древняя столица уйгуров. Именно в этой местности найден известный камень с надписью. Согласно исследованиям ученых всего мира и, в частности, России, найденная надпись полностью идентична тюркским надписям, найденным на востоке реки Орхон. Слово «уйгур» является исконно тюркским и обозначает «объединившиеся». В 605 г. 15 племен тюрков, объединившись, освободились от господства тюрков, правивших в Тюркском каганате, и стали именоваться «уйгурами». Таким образом, нет никакого сомнения в принадлежности уйгуров к тюркам» [12].

В конечном счете спор двух ученых показал, что даже богатые лингвистическими, этнографическими и историческими сведениями о тюркских народах, древние китайские источники были недостаточно глубоко изучены Ли Дунфаном. Его выводы и утверждения показали слабое знание им трудов и выводов западных и восточных исследователей. В данном случае аргументы и результаты исследований Мухаммада Имина Бугра выглядят более грамотными, взвешенными и убедительными.

Проблема этногенеза и этнической истории уйгуров неоднократно поднималась и в трудах китайских ученых, объективно подходивших к вопросам истории всего Восточного Туркестана. Например, китайский историк Ван Ханьшэн в своей статье «О мусульманах Синьцзяна и исламской религии» (1944) высказал точку зрения о том, что уйгуры являются частью теле и потомками сюнну [13]. Другой китайский историк Фань Чунь в статье «О расселении рас в Таримском бассейне» (1947) утверждает, что единый уйгурский этнос сложился в результате смешения пришлых древнеуйгурских племен с автохтонным населением Таримского бассейна [14].

Ван Тунлин считает, что этническую основу уйгуров составили племена динлин, «великих юеджи», усуней, эфталитов, гаочэ и др [15]. Несмотря на то, что многие положения Ван Тунлина не подкреплены фактическим материалом, все же его статья «История мусульман (уйгуров)» (1947) сыграла определенную роль в изучении истории племен и племенных союзов Восточного Туркестана и всей Центральной Азии. В работе автор также уделил внимание культурному наследию уйгурского народа.

Интересную точку зрения о происхождении уйгуров высказал известный ученый Чжан Симань. Его статья «Среднеазиатские сарты - потомки шато» (1941) была посвящена изучению этнической связи уйгуров со средневековыми шато - одним из тюркских племен, появившимся на исторической арене в эпоху Тан, а после его крушения сыгравшем важную роль в истории Китая. Как известно, после поражения династии Тан ей на смену пришли династии неханьского происхождения: поздняя

Тан (923-933), поздняя Цзинь (936-946) и поздняя Хань (947-950), подобно тому как иноземные династии Юань (монгольская) и Цин (маньчжурская) господствовали в Китае позднее. Средневековые шато, к которым принадлежали и представители династии поздняя Тан, по мнению ученого, имели прямую связь с уйгурами [16].

Все эти точки зрения относительно этногенеза уйгуров, высказанные разными китайскими учеными, безусловно, заслуживают внимания, несмотря на то, что они порой противоречат друг другу и не всегда бесспорны.

Помимо этого китайскими учеными высказывались различные концепции относительно автохтонности уйгуров Восточного Туркестана. Так, например, в работе Ли Футуна «Расцвет и упадок уйгуров после переселения на Запад» утверждается, что уйгуры появились в Восточном Туркестане после распада Орхонского каганата [17]. Следовательно, отсчет их истории в Кашгарии можно вести именно с этого периода. При явной несостоятельности подобной точки зрения, к этому мнению Ли Футуна присоединился Ван Ханьшен, который изложил свое представление о коренном населении Восточного Туркестана в статье «О мусульманах Синьцзяна и исламской религии» (1944). Он писал: «При изучении истории мы задаемся вопросом о том, какой этнос был автохронным в Синьцзяне. До прихода уйгуров, согласно свидетельству «Истории династии Хань» (Повесть о Западном крае), в первой половине II в. до н.э. в районе реки Или обитали саки..., кто обитал в Синьцзяне до саков, установить невозможно. Но история уйгуров в Синьцзяне не превышает тысячу лет» [18]. Подобного же мнения придерживается Су Бэйхай, который в своей статье «Переселение народов на юге и севере от Тянь-Шаня» (1949) не только поддержал мнение, ставшее к тому времени традиционным в китайской исторической литературе, но и придал ему великоханьскую окраску.

По его мнению, в силу географических условий, отличающих Северный Синьцзян от Южного в Джуигарии, имеющем благоприятные условия для животноводства, издавна обитали воинственные кочевники, и Джуигария во все времена была ареной военных столкновений. Что же касается южных

оазисов, то здесь климатические и географические условия благоприятствовали ведению оседло-земледельческого хозяйства. Он утверждает, что кочевники, обитавшие на севере, всегда господствовали над земледельцами юга. В конечном счете они смешались с местным земледельческим населением и сформировали современных уйгуров-земледельцев [19].

Далее Су Бэйхай делает заключение о том, что наряду с хунну, сеянто, жуань-жуанями, тюрками и монголами, уйгуры относились к самой значительной группе кочевников. Они первоначально обитали в долине реки Орхон и занимались скотоводством. В IX в. они под давлением кыргызов переселились на юг, в район Дихуа (Урумчи), и осели в долине реки Тарим. Причем, при физическом и культурном смешении население Южного Синьцзяна по количеству преобладало над кочевниками Севера [20].

Разрешая вопрос о коренном населении Восточного Туркестана, автор обращается к связям древних китайцев с Восточным Туркестаном и делает вывод, что ханьцы населяли данный регион еще до появления здесь уйгуров и поэтому являются его коренным населением. Он пишет: «Некоторые тюркские ученые считают, что Восточный Туркестан является их древней родиной. Вместе с тем, ряд европейских ученых полагает, что Восточный Туркестан - родина народов арийского происхождения. Есть мнение о том, что в исторических сочинениях говорится о появлении ханьцев из Западного края. Касаясь первоначального местообитания ханьцев, китайские и зарубежные ученые, опираясь на исторические факты, считают, что ханьцы жили в Циньхае и Тянь-Шане» [21].

«Согласно исследованиям, китайцы в древности занимались животноводством. Территория их скотоводческой деятельности, расширяясь, включала в себя и Юйтянь (Хотан). После этого они дошли до Срединной Равнины и в I в. до н.э. Чжань Цянь, Ли Гуанли и др., выйдя из Юймэньгуаня по пути Яньгуань, дошли до Таримской впадины, ее севера и юга» [22].

Очевидно, что подобные рассуждения автора не имеют под собой достаточно серьезного основания и не выдерживают

критики. Делать выводы об автохтонности на основе сведений о путешествии группы людей в неизведанные земли, по крайней мере, свидетельствует только о существовании некоей «сверхзадачи» у автора, и отнюдь не способствует поискам истины. Игнорирование множества других, более существенных исторических фактов и находок, попытки перелицовки реалий изучаемого региона можно объяснить только наличием у автора единственной, все затмевающей цели - во что бы то ни стало обосновать историческую законность владения Китаем территориями Синьцзяна. Именно такие пассажи имел в виду современный китайский уйгуровед Чэн Суло, говоря о том, что в исследованиях китайских историков до образования КНР преобладают идеи великоханьского шовинизма [23].

В связи с политическими событиями в 30-40 годы нашего столетия, публикации по вопросу автохтонности уйгуров вызвали довольно бурную полемику среди китайских историков. Дело в том, что в это время в Восточном Туркестане приняло широкий размах национально-освободительное движение уйгуров и других народов против ханьского засилья. По этой причине китайское правительство обращало большое внимание на этнические и социально-культурные проблемы уйгуров. Появился ряд статей и изысканий китайских ученых по данным темам, таких как монографии: «Национальные проблемы Синьцзяна» Ду Чхунюана, «Современные народы Синьцзяна» Ма Сунлина (1938), «Исследование проблем разных народов Синьцзяна» Чэнь Чжиляна (1934), «О политическом изменении Синьцзяна с 30 года» Чэнь Сымня (1947).

Среди этих работ только работы Ван Живэя, и отчасти Ли Футуна, - историков-специалистов в этой области науки - отличались серьезным подходом к изучению проблемы об автохтонности уйгуров в Восточном Туркестане на основе исторических фактов. Именно вокруг работ этих авторов в 30-40 гг. завязалась наиболее оживленная дискуссия.

Фэн Чэнцзюнь в 1942 году выпускает статью «Движение гаочэ на запад и рассредоточение чэши и шаньшаньцев». Основной целью этой работы была попытка доказать, что гаочэ не

являются потомками динлинов [24], то есть доказать, что одно из положений Ван Живэя неверно. Но следует отметить, что аргументация Ван Живэя в этом вопросе выглядит более убедительно.

Далее в дискуссии принял участие историк Дин Су. В работе «Коренное население Синьцзяна и уйгуры» (1946) он в краткой форме излагает средневековую историю уйгуров и, анализируя сведения источников, предполагает, что до своего «датированного» переселения в Восточный Туркестан в 840 году, именно уйгуры в течение длительного периода занимали там определенные территории и осваивали этот край [25].

«Тюрки после разгрома их Танской империей находились в северной части монгольских пустынь. Племя сир-тардушей двинулось на запад и переселилось в северные области Восточного Туркестана (СУАР), в район Джунгарской впадины. Уйгурские же племена каганата еще оставались в северной части пустыни и в лесистых местах этой области и только позже, в период Цжэньзуна, передвинулись в Ганьян и Цинхай. Нынешние сары-уйгуры являются непосредственными потомками этих племен. С ослаблением западных тюрков, часть тех уйгуров захватила северные области Восточного Туркестана и одержала победу над сир-тардушами. В третий год своего пребывания здесь они изменили имя своего народа и стали именоваться «хуйху». Центр их государства стал складываться вокруг Турфана» [26].

Характеризуя выводы исследований Динь Су можно сказать, что уточняя многие детали, они подтвердили основные положения Ван Живэя об этническом родстве и определенной политической преемственности народов динлин, гаочэ, сунну, хуйхэ (прямых предков современных уйгуров) на центральноазиатской политической арене, и что уйгуры, вместе с родственными народами являются естественными правопреемниками территории Восточного Туркестана.

Проблема этногенеза уйгуров и их автохтонности в Восточном Туркестане были отражены в исследованиях Тайваньских историков.

В формировании и развитии Тайваньской историографии история уйгуров на Тайване связана с тем, что с установлением коммунистического режима в материковом Китае в 1949 году правительство Чан Кайши эмигрировало на Тайвань, где впоследствии, была продолжена Китайская Республика.

Тайваньская историография возникла не на пустом месте. Следует отметить, что основной костяк ее интеллектуальной и научной школы составили выходцы из материкового Китая, которые еще в период правления Гоминьдана занимались исследованиями уйгуров. Такая работа была продолжена и на Тайване, где ученые продолжали свои исследования по уйгурской проблематике.

Однако следует подчеркнуть, что исследования по истории уйгуров Восточного Туркестана осуществлялись на основе традиционных методов китайской историографии, не связанных с марксистским подходом, от которой ученые, оказавшиеся на Тайване были более свободны от унифицированных трактовок. Эти ученые причисляли себя к «прогрессивным демократическим» силам и опирались на свои собственные идеи и взгляды.

Это заметно отличает тайваньскую историографию от китайской коммунистической традиции, которая после 1949 года зачастую преподносила историю уйгуров в политизированном виде, с чем никак не могли согласиться ученые Тайваня, придерживающиеся иных политических взглядов.

Точка зрения тайваньских ученых на историю уйгуров и взаимоотношений уйгурских государств с кавказскими, анализ их политических взаимоотношений стала заметно отличаться от точки зрения ученых, работающих в материковом Китае.

Основным научным центром по исследованию уйгуров на Тайване является Институт исследований проблем приграничных народов при Тайваньском политическом университете (ныне он называется Институтом исследований национальностей).

В числе первых ученых, заложивших основу исследований по уйгурской истории по праву считается уйгурский историк, профессор Абдулла Тиман Амин оглы в профессор Ли Футун.

Тиману, который на протяжении многих лет проводил научную и научно-педагогическую деятельность, принадлежат большие заслуги в формировании новой школы уйгуроведческих исследований на Тайване. Он подготовил не только ряд фундаментальных исследований, работ по истории уйгуров, но и учеников, которые достойно используют и развивают его методы научных исследований.

Абдулла Тиман является не только крупным уйгурским ученым, но и государственным и общественным деятелем. На протяжении многих лет он был депутатом законодательной палаты парламента Китайской республики, занимал другие высокие посты, является членом Постоянного Совета по проблемам приграничных народов.

Его главные научные работы посвящены, в основном, этнополитической и культурной истории уйгуров. Ряд его работ связан с изучением уйгурской филологии. Наиболее известной из них является работа «Проблема этногенеза и культуры уйгуров (Тайвань, 1964).

Наряду с Абдуллой Тиманом исследованиями истории уйгуров занимался китайский ученый, профессор Ли Футун. Он продолжил на Тайване свои исследования по истории уйгуров периода раннего средневековья. Ли Футун стал известен еще в Китае в 30-40 годы, а затем на Тайване, где были изданы все его последующие крупные научные работы по истории уйгуров. Причем следует отметить, что он не изменял своим научным концепциям и научным подходам, мировоззрению.

Опираясь на китайские источники. Ли Футун создал фундаментальный труд по историографии уйгуров «История уйгуров (хуй-ху), охватывающая период раннего средневековья» [27].

В данной работе исследован широкий спектр проблем истории уйгуров, экономическое и социально-политическое положение Уйгурского каганата (744-840), взаимоотношения каганата с другими тюркскими племенами, политические отношения с Танским Китаем, Тибетом, история раннесредневековых уйгурских государств (после распада

Уйгурского каганата) - Турфанского Идикутства (866-1369). Гаончжоуского государства (847-1036) и государства Караханидов (950-1212).

В монографии Ли Футуна также специально исследованы политические (государственный строй, структура власти), социально-экономические (экономическое состояние уйгурских государств), культурные (религия, язык, традиции), этнографические (одежда, обычаи, верования) вопросы.

Таким образом, эта монография дает широкую картину исторического развития уйгурских государств раннего средневековья.

Методологические и методические принципы Ли Футуна послужили основой развития дальнейших уйгуроведческих исследований, программой деятельности последующих ученых.

Последователем Абдулла Тимана и Ли Футуна является другой известный тайваньский ученый, профессор Лю Итан, который опубликовал много научных работ, связанных с изучением уйгурской филологии, этнополитической истории уйгурских государств период раннего и древнего средневековья, проблем топонимики Восточного Туркестана.

Исследуя этнополитические и этногенетические проблемы уйгуров, он впервые выдвинул новые научные гипотезы. Они изложены в его работе «Сборник научных статей по истории уйгуров» [28]. Например, в статье «Этноним «уйгур» и его китаизированное произношение» ученый доказывает, что в Центральной Азии этноним «уйгур» считается одним из древнейших и свидетельствует об автохтонности уйгуров Восточного Туркестана.

Чтобы сформировать такую гипотезу Лю Итан опирался прежде всего на произведения древнегреческих географов, в которых упоминается этноним «уйгур» (по-гречески *oehardas*, *oihardai*) как и арабских, персидских географов как «Тогуз Огуз», «Огуз» и тем самым доказывает, что уйгуры с древнейших времен проживали в Восточном Туркестане [29]. Для подтверждения своей гипотезы автор обращается также и к китайским источникам об уйгурах. Согласно его мнению первыми предками

уйгуров были объединение племен «хуцзэ» и «динлин». Он утверждает, что в китайских источниках есть сведения о древних предках уйгуров, образовавшихся из этнических групп «уцзэ» и «динлин».

По мнению ученого, китаизированное название «хуцзэ» происходит из этнонимов «огуз» или «уйгур», которые по смыслу являются идентичными. Упоминаемые в источниках китайские названия «вухэ», «юаньхэ», «хуйхэ» и другие происходят также от слов «огуз» или «уйгур» [30].

Автор также считает, что этнонимы «огуз» или «уйгур» происходят из топономических признаков и по-китайски оно переведено как «ивулу» (что означает географическое название Кумула) [31].

Опираясь на сведения Махмуда Кашгарского, автор приходит к выводу о том, что в IV в. до н.э. в Восточном Туркестане существовали древнеуйгурские государства. Упоминаемые в китайских источниках «Хань шу», «Ши цзи», «Вэй шу» доказывают причастность их к деятельности уйгуров, а также то, что они были созданы предками уйгуров [32].

Профессор Лю Итан написал ряд научных работ, посвященных древней и раннесредневековой истории уйгуров, в которых он исследует вопросы политической истории возникновения древнеуйгурских государств и дает объективную оценку становления и развития самостоятельных независимых уйгурских государств в древние времена.

Тем самым он доказывает несостоятельность взгляда на «Синьцзян как неотъемлемую часть Китая с древних времен ввиду того, что уйгуры, якобы издревле являются составной частью китайской нации» как это пытаются доказать китайские ученые. Его основные взгляды по данному вопросу изложены в статьях, в частности: «Исследования об уйгурских каганах, их титулах в Уйгурском каганате», «Исследования о переселении уйгуров на запад», «Торговля лошадьми между Уйгурским каганатом и Танским Китаем».

В коллективной монографии «История приграничных народов Китая» Лю Итан написал специальный раздел,

посвященный исследованию об уйгурах. В ряде работ им исследованы томономические характеристики Восточного Туркестана. В частности в книге «Комментарии к мусульманским терминам в Синьцзяне» он дает обстоятельный анализ 413 тюркских наименований географических понятий.

В исследованиях этнополитической истории Восточного Туркестана данная работа занимает особое место и имеет большое значение.

В 80-е годы Лю Итан составил и опубликовал сборник из более 20 статей, посвященных вопросам истории, культуры и филологии уйгурского народа.

Наряду с профессором Лю Итаном в уйгуроведческих исследованиях плодотворно работает доктор Линь Аньшань, на протяжении многих лет совместно с японскими учеными-уйгуроведами он провел ряд исследований по истории уйгуров Восточного Туркестана.

Вместе с тем, следует заметить, что его научные работы в основном посвящены истории культурной и социально-экономической жизни уйгуров, охватывающей период XVIII-XX вв.

Специальные исследования общественной и культурной жизни древних уйгуров были проведены проф. Би Сунфу. Опубликованная ученым в 1986 г. монография «(Хуйхэ) или уйгуры» занимает большое место в творчестве этого ученого. В данной книге более подробно изучены этнографические, религиозные аспекты, образ жизни уйгуров. Основные разделы монографии посвящены: тотемистическим верованиям древних тюрков (поклонение животным - волку, птицам) традициям и обычаям древних тюркоязычных народов, этническому развитию уйгуров.

История древних уйгуров и Уйгурского каганата рассматривается в работах Линь Гуаньчуна. В работе «Исследования о взаимоотношениях танского Китая с уйгурами и тибетцами» автор подробно рассматривает политическую роль уйгурского каганата в Центральной Азии.

Исследования, по связанным этнонимам и терминам, касающихся истории средневековых уйгуров проведены проф. Чэнь Циньчжаном. В работе «Исследования о термине «Хочжо» (1969), изучая древнеуйгурские письменные памятники, он нашел более 200 слов, проникших из китайского языка в древнеуйгурский язык, означающих политические, экономические и культурные термины.

Кроме вышеуказанных ученых, занимающихся исследованиями древней средневековой истории уйгуров в ряде научных работ, посвященных всеобщей истории Китая. Также изучен ряд проблем, имеющих непосредственное отношение к истории уйгуров.

Таким образом, характерная особенность тайваньской историографии состоит в том, что ученые, исследуя вопросы древней и средневековой истории уйгуров, стоят в стороне от китаецентризма. Опираясь на исторические факты и реальность, они пришли к выводу о том, что уйгуры являются одним из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, имеющей свою самобытную многовековую историю, государственные и культурные традиции.

В своих исследованиях об уйгурах тайваньские ученые использовали успехи и достижения западного востоковедения, ее научные методы исследований.

Тайваньские ученые не ограничились только данными китайских ученых, которые порой носят односторонний характер, а наоборот, на основе всестороннего анализа археологических, этнолингвистических, этнографических материалов пришли к обобщениям и объективным выводам, которые заслуживают всяческого внимания и занимают достойное место в уйгуроведческих исследованиях.

Глава II

Этническая история уйгуров в историографии 1949-90-х годов

Создание в 1949 году Китайской Народной Республики открыло новую эру в социально-экономической, политической и культурной жизни Китая.

Марксизм стал оказывать существенное влияние на мировоззрение и методику историков-исследователей Центральной Азии, и, в частности, Восточного Туркестана, в качестве главной идейной основы.

Компартия Китая придавала особое внимание политическим и национальным проблемам приграничных районов, имея в виду прежде всего проблемы экономики, культуры и истории «малочисленных народов». Вследствие этого, проблема Восточного Туркестана и, в частности, уйгуров, их этническая, политическая история и социально-экономическое развитие, а также вопросы культуры, были подняты на государственный уровень изучения. Однако необходимо напомнить, что хотя в первый период после провозглашения КНР, правительство проявило интерес к уйгуроведению, однако практической помощи не оказывало. Издавалось очень мало научных трудов по этой тематике. Причина заключалась в том, что в этот очень беспокойный период борьбы Гоминьдана с коммунистами, создания КНР, организации коммунистической системы правления и разрушения старой системы, политические, экономические общественные потрясения не составляли возможности финансировать науку. Разумеется, изменения идеологических ориентиров привело к установлению руководящей роли идей марксизма-ленинизма в культуре, науке и других областях знаний. Естественно, и китайское уйгуроведение нуждалось в переосмыслении с позиции марксистской методологии. Поэтому требовалась определенное время для того, чтобы ученые, занимавшиеся политическими, экономическими, этническими и другими общественными проблемами уйгуров в период Гоминьдана,

сумели перестроить свое миропонимание в соответствии с новой идеологией. Этот вопрос поднял в 1952 году известный историк Го Индэ в своем труде «Краткий очерк истории уйгуров». Он, в частности, охарактеризовав состояние уйгуроведения, высказал мысли относительно развития этой отрасли науки, в русле «марксистских позиций». После него другой известный ученый Фэн Цзяшэн в 1956 году в труде «О периодизации истории уйгуров» впервые затронул проблемы первых уйгурских средневековых государств и их освещения во второй половине XX века в китайской историографии. В частности, он коснулся ряда проблем этнической истории, социально-экономического развития, политико-государственного становления уйгуров, что вызвало полемику в научных кругах.

Эта полемика прослеживается вплоть до периода так называемой «культурной революции» (1950-1966), когда в ней участвовали Го Индэ, Фань Сяо, Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуан Вэнь, Чжоу Лянькуань, Цзянь Боцзань, Чэнь Чжунмянь и другие.

Этническая история уйгуров, проблемы их этногенеза были затронуты еще в период Гоминьдана профессором Ван Живэем (1935), (позже он формулирует свою гипотезу более детально). Согласно его мнению, динлины и гунны представляли собой единый народ, а все тюркские племена, появившиеся впоследствии на арене гаочэ, теле, хуйхэ, хуйху - происходят от гуннов. «Народ, называемый в древности динлинами, сегодня именуется уйгурами, и имеет тюркское происхождение. Динлины - прямые предки уйгуров» [33]. Го Индэ - автор первого в китайской историографии второй половины XX века монографического труда о древней и ранней средневековой истории уйгуров - сосредоточил свое внимание на политических, культурных и социальных проблемах уйгуров вышеупомянутой эпохи и заложил, таким образом, основы монографического изучения данного круга проблем. Действительно, первая глава его работы посвящена истории уйгуров, где автор, достаточно убедительно поясняя значение этнополитических терминов: динлин, гаочэ (гогуй), теле, хуйхэ, хуйху, вэйху, приходит к выводу, что все они обозначают наименования уйгурских племенных союзов и государственных образований в

разные эпохи истории [34]. Этот вывод Го Индэ был поддержан другим ученым Фань Сяо. В своей статье «Расселение уйгуров в Синьцзяне» (1955) он прямо говорит о своей согласии с Го Индэ. В частности, в статье говорится, что в эпоху империи Тан (618-907) уйгуров называли хуйхэ или хуйху, а до этого времени использовалось большое количество других наименований. Например, начиная с III века до нашей эры их называли динлин, а в эпоху южных и северных династий (420-550 гг.) - гаочэ, чили, теле [35]. С этим мнением соглашался и крупный уйгуровед Фэн Цзяшэн. К сожалению, этот, имеющий под собой прочную основу взгляд Ван Живэя, в середине 50-х годов в результате жестокой реакции оказался предметом тенденциозной политической дискуссии. Вся этническая история уйгуров, и, в частности, этническая история Восточного Туркестана и Южной Сибири, в прежней трактовке подверглись массивной критике. Практически эта реакция началась с публикации статьи Чжоу Лянькуана «О расовых и языковых особенностях динлинов и их взаимоотношениях с народами северных песчаных районов» (1957). В упомянутой работе ученый опровергает гипотезу, выдвинутую Ван Живэем и поддержанную Го Индэ и Фэн Цзяшэном. Согласно его мнению, между племенами и народами чили (динлинами), теле и гаочэ нет никаких родственных взаимосвязей, и это различные этнонимы. Его позиция была сформулирована следующим образом.

Гаочэ (гаогюй) - это одно из племен теле; хуйхэ (уйгуры) - одно из племен гаочэ. Таким образом, получается, что ошибочно считать гаочэ (гаогюй) - динлинами, динлинов - теле, или гаочэ - теле, динлинов - тюрками, или уйгуров - гаочэ... Для придания большей убедительности своей работе, автор провел анализ источников по древней истории Китая, в которых упомянуты интересующие нас этнонимы. Кроме того, он рассмотрел труды советских и западных исследователей, археологические данные по Центральной Азии и Южной Сибири, антропологические и историко-лингвистические материалы. В результате его основным выводом явилась идея о том, что «мы не можем сказать, что тюрки - другая ветвь гуннов, или, что тюрки - потомки гуннов. Ибо гунны относятся к монголоидной расе, а предки тюрков с древних времен

относились к европеоидной расе и, вследствие того, что монгольская раса обычно не смешивалась с другими расами, они остались отдельной расой. Если говорить о расовом делении, то многие ученые относят тюрков к северной ветви монголоидной расы. Ее называют татаро-монгольской, либо монголо-тюркской ветвью. Однако, внешние признаки тюрков позволяют отнести их к кавказской расе. Это тем более не позволяет отнести динлинов к тюркам, или тюрков - к динлинам. Поэтому мнение о том, что эти два этнонима представляют собой «две разновидности одного этнонима» - неверно. Ибо у каждого из этих народов свой путь развития, своя специфика, и хотя и есть похожие моменты, нельзя их полностью смешивать [37].

Вышеупомянутая теория Чжоу Лянькуана вызвала неподдельный интерес в антропологических и этнолингвистических кругах Китая, и древняя история Восточного Туркестана и Южной Сибири превратилась в актуальнейшую тему. Одновременно вскрылась слабость исследования данных проблем в китайской науке. Этот опыт показал, что невозможно делать серьезные выводы, опираясь лишь на китайские источники, пусть даже в них имеются значительные сведения о гуннах, динлинах, гаочэ, чили, теле, хуйхэ и тюрках. Для всестороннего освещения проблемы необходимо было привлечь обширнейший фонд европейских и советских научных исследований. Действительно, Чжоу Лянькуань впервые в китайской историографии XX века сумел проанализировать средневековую историю Центральной Азии, и в частности. Восточного Туркестана, в сопоставлении с трудами западных и русских ученых с применением новейших научных методов. Через год его точка зрения была поддержана другим источником - Чжу Боцзяном, который свое мнение также основывал на трудах советских ученых [38]. По его мнению, динлины не являлись тюрками, а следовательно - предками тюрков и уйгуров. Они относятся к сибирскому типу европеоидной расы. Динлины и гунны различаются в расовом отношении [39].

Взгляды Чжоу Лянькуана и Чжу Боцзяна вызвали спор среди китайский историков. Труды ученых периода Гоминьдана, первой половины XX века и социалистического Китая - второй половины

XX века в этом вопросе имели солидные традиции, и этот новый взгляд вызвал у них определенное замешательство. Крупный ученый Чэнь Чжунмянь в своем знаменитом труде «Материалы по истории тюрков» (1958) счел необходимым ответить по существу. Он, принимая принципиальное единство гуннов и тюрков за бесспорный факт, считает гуннов тюркским народом.

Кроме него в этот спор включался и автор одного из популярных трудов в китайской историографии XX века - двухтомного сборника материалов по истории уйгуров - профессор Фэн Цзяшэн (совместно с Чэн Суло и Му Гуанвэнем).

Профессор Фэн Цзяшэн в своей работе «О периодизации истории уйгуров» недвусмысленно высказался о том, что является сторонником теории Ван Живэйя, однако не отвергает и позиции Чжоу Лянькуана и Чжу Боцзяна. Естественно, этот широко эрудированный и знакомый с трудами многих иностранных ученых исследователь высказал свою позицию по этногенезу уйгуров. По его мнению, уйгуры - одна из ветвей тюрков и в отрезке времени с III века до нашей эры по III век нашей эры, под наименованием «динлин» они разделились на две ветви - Западную и Восточную. Восточная ветвь располагалась на юге озера Байкал, западная - в районе Иртыше и Балхаша. Динлины к IV веку в китайских исторических хрониках известны под именем теле, чили, а также, вследствие того, что они передвигались на высоких повозках - гаочэ («высокие повозки») [40]. Они вели постоянные войны с сяньби, тобасцами и жуань-жуанями, в 422 году одна их часть переселилась в окрестности Тянь-Шаня. В составе восточных теле находились племена юаньхэ или вэйхэ, а в составе западных теле - племена вухэ или вуху. Впоследствии они все стали называться хуйхэ (уйгуры). Разница во взглядах Фэн Цзяшэна и Чжоу Лянькуана с Чжу Боцзяном в том, что Чжоу Лянькуан, Чжу Боцзян упоминают о расовых особенностях динлинов и других народов Южной Сибири. А Фэн Цзяшэн ничего об этом ни говорит.

Фэн Цзяшэн ставил своей целью сбор и систематизацию материалов по уйгурской истории и анализ их для конкретных выводов. Если бы Фэн Цзяшэн ставил своей целью специально изучить антропологию этого древнего народа (уйгуров) на основе

данных европейских и советских антропологов, то он бы смог это сделать, ибо в науке Запада и бывшего Советского Союза, помимо сторонников точки зрения Чжоу Лянькуана были и другие мнения, что очевидно. Вероятно это было ясно и Фэн Цзяшэну, судя по уровню его монографии. Прежде всего, проанализировав китайские исторические источники, Фэн Цзяшэн уточнил, что часть гаочэ (гаогюй) в своем составе имели племена вэйхэ или юаньхэ, а западные теле в своем составе имели племена вуху или вухэ, что позже все они стали называться хуйхэ [41]. Именно это его мнение вызывало серьезные возражения. Противоположные взгляды были высказаны Хэ Инчжунем, который стал последовательным оппонентом Фэн Цзяшэн. Когда в 50-е годы в среде китайских историографов разгорелся спор относительно социально-экономических проблем уйгурского Орхонского каганата (744-840) и тюркского каганата (552-744), а также дискуссия об общественной формации того времени, он выступил со статьей «Развитие уйгурского общества в VII-X веках» (1959). В ней автор проблему уйгурской этнической истории рассматривает не специально, а с целью уточнения этнонима «вухэ» или «вуху», понимая под ними иные, не уйгурские, племена либо самих китайцев [42]. Это свое мнение автор обосновывает работой Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», приводя аргументы из данной работы. Хотя автор пытается подкрепить взгляд Маркса и Энгельса историческими фактами, однако этническая история уйгуров и, в частности, история Восточного Туркестана и Южной Сибири априори не подходит под эти мнения классиков.

Эту проблему невозможно рассматривать, опираясь только на общие положения о формировании нации, не анализируя конкретные исторические факты и источники. В подобном случае отдельные исторические факты получают крайне субъективное толкование. Выводы не получили всестороннего подтверждения фактами и были сделаны без достаточного анализа китайских источников в отношении этого этнонима. Поэтому взгляды Хэ Инчжуна не имели поддержки даже среди серьезных китайских исследователей. Напротив, ряд ученых, в частности, Сыма Пин [43] поддержали взгляды Фэн Цзяшэна.

Хотя профессор Фэн Цзяшэн и другие в работе «Краткий свод материалов по истории уйгуров» ставили вопрос относительно этногенеза уйгуров, однако он ничего не говорит об этнических связях гуннов и динлинов (предков уйгуров). В своей статье «Гунны (сюнну) и их культура», опубликованной в 1937 году, Фэн Цзяшэн остановился на проблеме этногенеза гуннов, где указывал, что гунны - тюркский этнос [44]. Фактически, проблема родственности гуннов и тюрков, а также уйгуров, в древних китайских источниках затрагивалась изначально. Эта проблема дискутировалась китайскими учеными, хотя еще с начала XIX века была достаточно исследована в трудах русских и западных востоковедов. Например, еще Н.Я. Бичурин в своих «Записках о Монголии» отмечает, что упомянутые в китайских источниках хуйхэ и уйгуры - это один народ, произошедший от монголов [45]. Ю. Клапарт же в своем труде «Источники о языке в письменности уйгуров» отмечает, что уйгуры главенствовали над тюрками [46]. Крупный востоковед Л. Казембек полагает, что упомянутые в китайских источниках хуйхэ были ни кем иными, как уйгурами, будучи одним из тюркских народов [47]. Выводы А. Казембека по этногенезу уйгуров положили начало академическим исследованиям проблемы в трудах русских востоковедов. Его разработка проблем этнической истории уйгуров и их контактов с другими тюркскими народами предоставили возможность более глубокого и широкого изучения проблемы. В связи с этим, В.П. Васильев, анализируя китайские источники, пришел к выводу о том, что упомянутое в них наименование «хуйхэ» по смыслу означает в китайском языке то же, что в тюркском языке наименование «уйгур». То есть «хуйхэ» - не транскрипция тюркского «уйгур», а перевод с тюркского на китайской. Значение слова «хуйхэ» на китайском языке - «объединение» [48]. Следовательно, посредством этого слова китайцы передали значение уйгурского понятия «единения». Крупнейший востоковед В.В.Радлов также обращал внимание на этот вопрос. В своем труде «К вопросу об уйгурах» (1893) он весьма конкретно и определенно отмечал: «Уйгуры не только принадлежали к числу древнейших тюркских племен, но это был весьма распространенный тюркский народ» [49]. К этому мнению В.Радлова присоединился и известный

востоковед и историк Д. Подзнеев, писавший: «Исторический очерк уйгуров».

Если в китайской историографии эти проблемы начали разрабатываться лишь в первой половине XX века, то в русском и западном востоковедении - еще с первой половины XIX века. В.В. Григорьев, Ч.Ч. Валиханов, Н.Ф. Катанов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.В. Бартольд, В.В. Радлов, А.Н. Самойлович, Л.Н.Г. умилев, С.Е. Малов, А..Ю. Якубовский, А.Н. Бернштам и Д.И. Тихонов и многие другие посвятили специальные крупные работы исследованию проблем ранней и средневековой социально-экономической истории и культуры, и в частности, этнической истории уйгуров. Уйгуроведение превратилось в самостоятельное исследовательское направление, сложилась научная школа, была разработана комплексная востоковедная методика. Тем самым проблемы этнической истории уйгуров получили большее развитие не в китайской историографии, а в разработках русских и советских и отчасти - западных востоковедов.

В работах китайских историков XX века по проблемам древней и средневековой истории уйгуров ясно прослеживается влияние трудов русских и советских, а также западных востоковедов, которые сыграли огромную роль в развитии китайской историографии.

После создания КНР китайскими учеными в течение десяти с лишним лет были проведены значительные исследования по изучению истории уйгуров. Однако этот процесс был нарушен «культурной революцией», что явилось катастрофой и для уйгуроведения в Китае. Можно сказать, что эта отрасль науки прекратила свое существование. Эта ситуация продолжалась примерно десятилетие, но к концу 70-х годов положение стало улучшаться. В 80-е годы в Китае началась эпоха общих реформ, что не могло не повлиять на общественные науки, в том числе и на уйгуроведение. В 80-е годы уйгуроведение в Китае не только активно развивалось, но и заметно вырос научный уровень исследований. По различным отраслям уйгуроведения появилось несколько монографических исследований.

В этих монографиях ставилась и проблема этнической истории уйгуров. В частности, со стороны комитета по делам национальностей КНР был составлен план «написания истории малочисленных народов». История вошедших в состав современного Китая уйгуров, монголов, тибетцев и других исследовались с точки зрения политических, социально-экономических, культурных и религиозных особенностей, но, прежде всего, - в тесной связи с историей Китая. Главным объектом исследований было единство Китая, и эти проблемы рассматривались в едином русле истории КНР. Историко-культурные и цивилизационные связи с другими этносами и регионами отодвигались на второй план. Эти проблемы стали основными и важнейшими для китайских ученых. В частности, такое совещание получила и проблема изучения истории уйгуров. По этому поводу проходило много споров на известном совещании под названием «Дискуссионное обсуждение проблем истории уйгурской письменности». Одним из основных вопросов там встал вопрос об этническом происхождении и этнополитической истории. Была поднята проблема автохтонности уйгуров в Восточном Туркестане. Написанная группой китайских ученых «История уйгуров» была резко раскритикована. Причина была в том, что проблема автохтонности уйгуров в Восточном Туркестане тесно связанная с этнической историей, была еще не достаточно разработана, чтобы ее обсуждать. Кроме того, декларировалась «ненаучная мысль о том», что уйгуры лишь в 840 году, после разгрома Уйгурского каганата на Орхоне (744-840), появились в Восточном Туркестане, а до этого уйгуры и другие тюркоязычные народы там не обитали.

После «культурной революции» с претензиями на создание «нового истинно научного» уйгуроведения, Чжоу Паньци и Син Юдэ опубликовали свой труд «Краткий очерк об уйгурах (хуйхэ)» (1979) [50].

Один из параграфов этой работы посвящен этнической истории уйгуров, где отмечалось, что уйгуры (хуйхэ) - одна из ветвей тюрков, а их наиболее ранними предками были динлины. В V-VI веках динлины назывались гаочэ или чили, с начала VII века

они назывались теле, а внутри теле существовали наименования: хуйху, вухэ, вэйхэ. Все они являлись предками уйгуров [51].

Новое в их суждениях заключалось в том, что они, в отличие от Фэн Цзяшэна и других, среди китайских исторических этнонимов впервые обратились к тем, которые имели прямое отношение к этногенезу уйгуров. К 80-м годам уйгурская историческая наука достигла значительных результатов. В связи с тем, что большое число ученых участвовало в разработке этой проблематики, она вызвала еще более широкий интерес.

Необходимо отметить, что в связи с тем, что проблема этногенеза уйгуров тесно связана с проблемой их автохтонности в Восточном Туркестане она рассматривалась очень тщательно и детально. Ибо в китайской историографии существовало мнение, как и в период Гоминьдана, о том, что уйгуры лишь в 840 году, после разгрома уйгуро-орхонского каганата (744-840) переселились в Восточный Туркестан, а до этого их предков там не было.

Обсуждение вопроса о том, что уйгуры не являются коренным населением Восточного Туркестана, распространилось не только в научных кругах, но и среди общественности. Ибо в различных публикациях [52], посвященных Восточному Туркестану и уйгурам, в том числе специально посвященных истории уйгуров научных трудах, это высказанное китайскими авторами мнение получило официальную поддержку, что вызвало недовольство среди уйгуров, составляющих основную массу населения Синьцзяна и обострило национальный вопрос.

Задача исследования этнической истории уйгуров к их автохтонность в Восточном Туркестане имеет важное значение не только для китайских историков, но и остается актуальной задачей во всех отраслях востоковедения.

В начале XIX века с процветанием европейского востоковедения, уйгуроведения и китаеведения быстрым темпом развивалось исследование этнической истории, политики, социально-экономической и культурной жизни уйгуров начала средних веков. Однако некоторые западные ученые ограничивались изучением только культуры, экономики и политике уйгуров, не учитывая при этом того, что жившее в Восточном Туркестане

основное тюркское население - это уйгуры, и не связывали уйгуров с их древними предками.

В первой половине XIX века знаменитый французский ученый Ю.Клапрот, немецкий ученый Ф.Хирт и русские ученые Н.Бичурин, А.Казембек, В.Васильев высказали свои предположения в противовес этим традиционным точкам зрения в своих трудах, которые представляют ценность в различных отраслях общественного востоковедения. Они доказали древнюю связь уйгуров с Восточным Туркестаном, давая при этом высокую оценку историческому прошлому уйгуров и их роли в истории края [53]. Основой для научных выводов и исследований послужили сведения из китайских источников и их исследования в области языкознания и этнографического сравнения. Этнографическое путешествие и экспедиционное исследование великого казахского ученого Ч.Валиханова начала 50-х годов XIX века в Восточный Туркестан, в основном в район Кашгари, подтолкнули его честно и откровенно признать, что предками тюрков живших в Восточном Туркестане являются исторические уйгуры периода Уйгурского государства гаогюй [54].

Исследования, проводившиеся после этого в Восточном Туркестане русскими и западными экспедиционными группами, и собранные ими этнографические, лингвистические и археологические материалы дала возможность обосновать и еще более глубоко понять то, что основным народом, обитавшим в Восточном Туркестане с древнейших времен, являются уйгуры.

Появление знаменитой монография В.В.Григорьева «Восточный или Китайский Туркестан», более подробно исследовавшего Восточный Туркестан и историю древних уйгуров начала средних веков, позволило развить проблему этнической и политической истории Восточного Туркестана.

С исследованием древнетюркского рунического письма и древне-уйгурских письменных памятников конца XIX века и с выходом в свет трудов многих русских востоковедов и ярких представителей тюркологии - В. Радлова, Д. Позднеева, Г. Грумм-Гржимайло, В. Бартольда, трудов западных ученых - Маркварта, Томсена, Шаванна и других - толкования этнической истории

Восточного Туркестана еще более обострились. Итогом этого периода стало то, что ученые В. Григорьев, В. Радлов, Д. Позднеев и Г. Грумм-Гржимайло пришли к единому мнению, что этническое происхождение уйгуров тесно связано с Восточным Туркестаном. Они доказали, что уйгуры - древнейший народ в этом регионе. Они подчеркнули, что отмеченное в китайских историях древнее восточно-туркестанское население: динлины, чэши, хуцзе, гаогюй, юебань и ой харды (в элинских источниках) - составляют самую древнюю этническую основу Восточного Туркестана [55].

В первой половине XX века некоторые ученые Запада и бывшего Советского Союза отрицали автохтонность уйгуров в Восточном Туркестане. Такие тезисы служат основой для споров среди ученых. Одни ученые считают, что уйгуры появились в Восточном Туркестане только в 840 году после распада Орхонского каганата, что до этой даты уйгуров там не было. Территориально они не достигали части Турфана [56]. По их мнению, настоящими обитателями Восточного Туркестана были народы, входившие в индоевропейскую языковую систему [57]. Только при восстановлении Тюркского каганата Восточный Туркестан и район Тянь-Шаня начали населять тюркские народы. Переселение же уйгуров еще более развило это движение. В качестве доводов они приводят сведения, что перед распадом Уйгурского каганата экономического, политического и культурного согласия с тюрками в Восточном Туркестане не было. Некоторые ученые даже считают, что живущие сейчас в Восточном Туркестане - не уйгуры, утверждая, что уйгурский этнос исчез после распада Уйгурского каганата, и только желтые уйгуры, проживающие в Ганьсу, связаны с древними уйгурами и являются их прямыми потомками [58]. Они утверждают, что современные уйгуры появились как бы искусственно, начиная с 1921 года, когда уйгуры вновь обрели право на общее самоназвание «уйгур».

Эти предположения навели беспорядок в среде уйгуров и в среде всех тюркских народов. В связи с этими тезисами некоторые китайские ученые и современные тюркские народы, не учитывая этнической и культурной общности создают трудности для научных исследований в области этнической истории. Проводивших в этой

области разные исследования ученых, несмотря на их национальную принадлежность, независимо из какой они страны, обвинили в «пантюркизме» [59]. По мнению китайских ученых, наука «тюркология» не существует, это термин не удачен для науки. Тюркологию они считают основой пантюркизма. По этой причине они некоторым русским ученым, в том числе В.Бартольд, В.Радлову, немецким, турецким и японским ученым дали имя «пактюркист» [60].

Естественно это вызвало протест таких знаменитых китайских ученых-тюркологов как Линь Гань, Гэнь Симинь и др., что дало реакцию в научных кругах.

Вышеотмеченные высказывания и мнения в политической основе связаны с европейской идеологией и рассматриваться отдельно не будут. Но нельзя забывать, что в появлении различных точек зрения огромную роль сыграло множество найденного в Восточном Туркестане фактического материала: тохарская письменность, согдийская, ххарушти, санскрит китайские письменные памятники и относящиеся к индоевропейское культуре археологические и антропологические находки.

Великий русский советский востоковед А.Н. Бернштам откровенно выступил против тезисов ученых, которые отрицали автохтонность уйгуров в Восточном Туркестане, отрицали традиционную, этническую, культурную связь и экономическую связь Средней Азии с Восточным Туркестаном и даже пытались отрицать этническую связь всех тюркских народов Восточного Туркестана с Центральной Азией. А.Н. Бернштам доказал, что уйгуры обитали в районах Центральной Азии, включая и Восточный Туркестан: «Каждый человек, хоть мало знающий историю древнего Востока знает, какую большую роль играли уйгуры во всей мировой истории. Их имя появилось в Синьцзяне и не исчезало, оно как гром загремело в китайских стенах, в стенах Монголии. Уйгуры жили в горных долинах Алтая и Семиречья... Ученые-исследователи показали связь народов Балканского полуострова, в основном связь болгаров с древними предками уйгуров. Если кто-нибудь пройдет по залам Восточного отделения Государственного Эрмитажа или же перелистает списки самых больших музеев Европы и Америки, если

посмотрит научные работы, то он не сможет не видеть, что именно уйгурские искусствоведческие культуры и исторические ценности украшают залы этих музеев. Уйгуры очень знаменитые и храбрые люди. История этого народа не ограничивается столетиями.

После восстановления в Центральной Азии классового общества этот народ пережил угнетение в истории народов Востока. Уйгуры испокон веков жили в том месте, где сейчас живут, то есть в Восточном Туркестане и имеют тесную связь с ним. Этот народ работал на земле, строил города, украшал стены зданий» [61]. Ученый обосновал этническую и культурную связь народов Восточного Туркестана и Средней Азии, общность этих двух сторон Центральной Азии: «В сложной истории Восточного Туркестана отчетливо выступают разносторонние связи с народами Средней Азии. Особенно для северных оазисов... Особенности исторического развития народов Восточного Туркестана приводили к все более нарастающим общностям культурного и этнического характера, ярче всего раскрываемом в возникновении и развитии уйгурского народа и его культуры. Уйгурский народ и его культура целиком и полностью были связаны с историческими судьбами народов Средней Азии, предков современных казахов, кыргызов, узбеков» [62].

Обоснованные А.Н. Бернштам выводы и обобщения исследований до сегодняшнего дня не потеряли свою актуальность.

В китайских источниках говорится, что до нашей эры динлины и гаогюцы считавшиеся предками уйгуров, жили в Восточном Туркестане. В V в. они вышли на политическую арену и некоторое время господствовали над северным Тянь-Шанем, в Таримской долине и одновременно воевали с жуань-жуань в зфталитами за политическое господство в Восточном Туркестане. В знаменитом историческом произведении Великого китайского историка Сыма Цяня и «Шицзи» говорилось, что примерно в II в. до н.э. динлины централизовались в Алтайских горах, жили и расселялись в районах озера Байкал, а западная часть жила в пространстве между Байкалом в Иртышом, т.е. жили в сегодняшней Джунгарии [63]. В «Саньгочжи Вэйчжи» и «Вэй люе сижунь чжуань» говорится: «Государство динлинов находится на севере

Канцзюй, имеет 60 тыс. войска, они занимаются скотоводством» [64]. По численности войска можно определить, что численность населения этой части динлинов примерно 300 тыс., западные динлины - между Байкалом и Иртышом. Большинство занимались скотоводством. Они были в дружеских отношениях с племенами усунь. В «Наньцишу жуань-жуаиь чжуань» говорится о том, что динлины жили на юге Тянь-Шаня в Таримской долине: «Сначала управляющей разведки Ичжоу отправил посла Цзян Цзинсуана к динлинам. Они уверяли, что будут мирно относиться к государству. Посол ехал через Шань-Шань (сегодняшний Чаркылык) и Юйтянь (сегодняшний Хотан). В это время Шань-Шань был подавлен динлинами, а народ распался. В это время Юйтянь следовал буддийским учениям. Считая себя высшими, динлины называли себя детьми бога Тенгри. Динлины достойно встретили Цзян Цзинсуана и отправили обратно» [65]. Из этого мы узнаем, что в IV в. на юге Таримской долины в Хотане и Чаркылыке действительно жили уйгурские племена. В «Наньши сиюй чжу го чжуань» говорится, что на севере государства Чемо (Черен) жили динлины. В «Вэйшу гаочэ чжуань» и «Бэйши гаочэ чжуань» говорится, что в 492 г. н.э. предводитель племени Фуфуло Афучжило и его брат Чончи, ведя за собой население около 100 тыс. семей, переселились из Монголии в Турфан, Кумул, Урумчи и создали государство Гаогюй [66].

В «Бэйши теле Чжуань и «Суйшу теле чжуань» упоминалось о распространении племен теле. Мы из этих источников узнаем, что в V-VI вв. племена теле расселялись на севере от Байкала до Дунайской долины, а основная часть сконцентрировалась на реке Тогла и в Восточном Туркестане (СУАР), главным образом на Алтае и Тянь-Шане.

По мнению Л.Н.Бернштама, «тянь-шаньская группа племен» (начиная от Кумула до Карашахара) состояла из йолучжи, юйниху, супу, нагей, вуху, хэгу, йецзи, - «алтайская группа» (на юго-западе Алтайских гор) - из сеяньто, дилер, шибань, даци [67].

В долине реки Тогла в Монголии обитали племена пугу, тунгло, вэйхе, баегу, фуло. Большинство этих племен вошли в союз уйгурских племен (хуйхэ) и были основным его языком. Уйгурские племена VIII-IX вв. состояли из внутренних и внешних племен.

Вэйху, вуху, хэгу, юйниху (он уйгур) - китайский перевод терминов «уйгур» и «огуз». Племена вэйху проживали в пастбищных районах Монголии, вуху - в окрестностях Тянь-Шаня.

В «Вэйшу гаочэ чжуань» говорится, что племена гаочэ состояли из ди, юаньхэ, фуло чжеби, хугу, ицидзинь, т.е. из 6 племен и 12 родов [68]. Среди этих 6 племен племя хугу в «Суйшу теле чжуань» и «Бэйши теле чжуань» упоминается как вуху, а племя юаньхэ - как вэйхэ. В действительности это неточно переданное на китайском языке звучание одного этнического названия. Значит, авторы вышеотмеченных произведений по-своему транскрибировали этноним «уйгур» или «огуз» и, конечно же каждый считал свое мнение правильным.

«Синьтаншу хуйху чжуань» подтверждает нашу точку зрения. В нем говорится: «Хуйхэ (уйгур), в основном, привыкли ездить на высоких тележках и в эпоху юаньвэй назывались как чили или гаочэ; чили потом преобразились в теле. Их племена назывались юаньхэ, сеяньто, цеби. Они до Суйской империи именовались как юаньхэ. Они были очень смелыми. Вначале у них не было вождя, кочевали в поисках воды и пастбищ, и принадлежали тюркютам. Благодаря их силе тюркюты господствовали в северной пустыне. В годы Дае тюркский каган Чолухан напал на племя теле, захватив их богатства. Они оказали сопротивление, собрав несколько тысяч воинов. Они подняли восстание с племенами юаньхэ, пугу, тонло, баегу; выбрали себе 'иркин' (правителя) и назвали «хуйхэ» (уйгуры) [69].

Уйгурский каганат создавался в ядре ягларского рода, т.е. живших в долине реки Тогла племен юаньхэ или же в ядре северной ветви уйгуров. Упоминающиеся в памятнике Кюль-тегину огузы, жившие на берегу реки Тогла [70], и являются юаньхэ (вэйхэ), по китайским источникам. Сведения иранского ученого Рашид-ад-дина об историческом развитии уйгуров имеют отношение к юаньхэ, хуйхэ, т.е. северным уйгурам, отмеченным выше в китайских источниках. Среди сведений Рашид-ад-дина и китайских источников есть много общего. Тогда почему же иранский ученый не упоминает об уйгурских племенах, живших в окрестностях Тянь-Шаня? Потому что, в VII-IX вв. политическим центром уйгуров были пастбища

Монголии. Пользуясь ослаблением северных тюрок уйгурские племена возобновили и укрепили свой политический центр. Централизовавшись в пастбищных районах, уйгуры стали сильнейшими и превратились в хозяев мощной империи. Поэтому мусульманский историк связывал этническое происхождение уйгуров со священным местом кочевых народов - пастбищами Монголии.

Мусульманские историки знают, что, начиная с империи Сюнну, пастбищные районы были политическим центром могущественной большой империи. Горы Утикен, по убеждениям тюркских народов, были священным местом. Племена теле и уйгурские племена следовали этим традициям. В кочевых империях, особенно тюркоязычных, Восточный Туркестан, Семиречье и Средняя Азия считались священными и очень важными регионами. Поэтому, начиная с хуннов, народы северных пастбищных районов: сюнну, гаогуйцы, тюркюты и уйгурские племена, сосредоточив пастбищные и степные районы в созданных ими государствах еще больше устремлялись на запад - в основном в Восточный Туркестан, Семиречье, Среднюю Азию и в районы Идил-Урала (Поволжья). Для них стало традицией переселяться на запад после распада ханств. Почему так происходило?

Основная причина этому процессу этническая, т.е. обитание родственных им племен в этих краях и знакомство с этими землями. Археологические и антропологические исследования объясняют тесную связь берегов Волги, Кавказа, Средней Азии с Восточным Туркестаном, Южной Сибирью и Монголией до н.э. Это подтверждают культуры Афанасьева, Андропова и Карасука.

Найденные близ Аральского моря в Туркменистане, в развалинах древнего Хорезма, в Кангакале и Куны-уаз археологические находки, связанные с похоронной обрядностью захоронения, относящиеся к IV-VIII вв. доказывают, что в формировании населения Приаралья гунно-уйгурские этнические группы сыграли важнейшую роль [71].

Если французский уйгуровед Дж. Гамильтон считает, что в V в. в центральной Азии в связи с политическими изменениями часть телеских племен, гаогуйцы оставили свою родину и переселились

на пастбища близ озера Арал и северного Кавказа [72], то Н.А.Бернштам полагает, что движение гаогуйцев было заключительным этапом гунской экспансии (IV-V вв.), что протоуйгурские племена проникли на территорию Средней Азии также в связи с движением северогуных племен в середине I в. до н.э. - начала II в. н.э. [73].

Знаменитые антропологи бывшего Советского Союза В.В.Гинзбург, Е.В.Жиров пришли к выводу, что найденные в Кенотольском могильнике кости человеческого скелета по расовым признакам относятся к типу восточно-туркестанских уйгуров [74]. Таким образом, археологические материалы доказывают достоверность исторических сведений китайских историков, доказывают древнюю связь Восточного Туркестана с тюркоязычными народами. Отсюда необходимость исследовать самые ранние сведения о восточном Туркестане и Средней Азии, связь их с китайскими и греческими источниками, упоминавшимися в «Ханьшу» и в «Хоу ханьшу» - самых полных и богатых информацией источниках о Восточном Туркестане II в. до н.э., о 36 государствах Восточного Туркестана и Средней Азии. Если взять государства на севере и юге Тянь-Шаньских гор - Гумо, Иву, Пулей, Чэши, Вэйтоу и Вэньсу и исследовать их названия по фонетическим и лексическим особенностям, то можно представить, что эти названия являются и этнонимами и этнопонимами. Нет сомнений и достаточно понятно, что государство Гумо получило название от тюркского слова «Кум» («песок»). Это государство находится в 50-60 км. от современного города Аксу в СУАР. Географически эта страна расположена на северной стороне Таримского песчанника. Освоение этих земель в древности было очень трудным. Здесь протекала река Кум-эрик («песчаная река»), недалеко от этого места находится местечко Кум-баш («песчаная голова»). Слово «гумо», «мо» на китайском языке означает песок, песчанник. Топоним «кум» древние китайцы переводили исходя из его значения. В районах Бэньсу, сегодняшние Аксу-Конашар, протекают разные по течению реки Тошкан-дарья, Кум-эрик и Аксу-дарья. Это место расположено на юге Тянь-Шаня и поэтому богато водными запасами. Здесь много различных ручейков, родников и богатые пастбища, имеются все

удобства для орошения земель и разведения скота. Температура и климат средние и благоприятные для развития хозяйства.

Топоним «Вэньсу», по всей вероятности, происходит от тюркского (уйгурского) слова «он су» (10 вод), т.к. здесь много воды. Древние тюрки называли эту местность таинственным для них числом 10, а китайцы, всходя из климатических и природных условий дали созвучный перевод «Вэнь су».

М. Кашгарский в «Словаре тюркских языков» отмечает, что Уч является древним городом, где протекает река Тошкан-дарья [75]. Значит, если во II в. этот город называли «Уч», то лексически это является началом чего-то. Топоним «Вэйтоу» в переводе с китайского языка означает «начало чего-то». Кроме этого, в древнетюркском языке есть такие случаи, когда вместо фонемы «ч» используется «т». Может быть это «ут», а не «уч». В древнекитайском языке к тюркским буквам «о, у», когда они находились в начале слова прибавляли частицу «вэй». По этим причинам китайцы произносили «ут» или «уч» как «Вэйтоу». Сегодня вблизи города Уч-Турфан есть место Ой-таг. Рядом с городом есть знаменитый перевал Бедал-арт. Этот перевал является важным переходом на Шелковом пути, который связывал Восточный Туркестан и Среднюю Азию. Через Бедал можно выйти к родине племени усунь, т.е. к Иссык-Кулю. Это дало возможность тюркским племенам выйти на юг Тянь-Шаня с севера через Бедал. Население этих местностей вошло в этнический состав тюркских народов, в частности уйгуров. Подтверждение нашей точке зрения мы находим в «Географическом руководстве» Птолемея:

«По большей части Серези протекают преимущественно две реки. «Ойхард», исток которого у Авзакских гор уже указан» [76]. Отмечается, что на берегу реки Ойхард жили ойхарды. Вероятно река Ойхард - это река Тарым, а «ойхард» является греческим переводом слова «Уйгур». С этим согласен и А.Н.Бернштам, отметивший, что уйгуры (ойхарды), жили в пространстве от Баркула до Кашгара [77].

Птоломей показывает следующие этнонимы, близкие к тюркским: .

отторокара - отугур (одно из племен сюнну);

сизиг - сицзе (одно из уйгурских племен);

солона - сулуг (кашгар);

фагур фуфуло (племя гаогюй) и др [78].

Из сведений Птолемея об ойхордах можно узнать, что этнонимом существовал еще до н.э. М.Кашгарский тоже отмечал, что уйгуры четыре века тому назад в районах Тянь-Шаня воевали с Александром Македонским [79]. Из чего можно сделать вывод, что этноним «уйгур» принадлежит древнему населению Восточного Туркестана (СУАР).

На севере государства Гумо расположен Куча (Цзюйцзы). В письменных памятниках на тохарском языке этот город именовался как «Kutsi» и означал в переводе «белый» [80], а в китайских источниках обозначало ханское общество государства. Куча упоминается с «bai», это тоже означает «белый». Географически Куча расположен на юге Тянь-Шаня. Близость к Тянь-Шаньским горам, покрытым снегом, обозначила их как «Ак таг» (Белая гора). В китайских источниках Тянь-Шаньские горы упоминаются как Бай Шань, Тянь хань Шань (Хан танри), Ацезешань (Актаг), Тянь-Шань (Танри таг). А в греческих источниках называются «Эктаг» [81]. Все эти названия в древнетюркском языке были связаны с именем Тангри (Бог неба), священным для древних кучарцев, как и для всех древнетюркских племен. Видимо поэтому связывали имена своих царей со значением «Ак» (белый). Используя лучшие произведения греческих географов средневековые мусульманские ученые использовали топоним Аска-так. Ак-Идриси пользовался топонимами «река Руз», «гора Аска-Руз» [82].

С.Г. Агаджанов считает реку Руз сегодняшней рекой Чу. Государства Куча (Цзюйцзы), Кум (Гумо); Онсу (Вэньсу), Уч (Вэйньсу), Уч (Вэйтоу) располагались на середине Великого Шелкового пути. Бедал был связующим звеном Таримской, Джунгарской долин и земель усунь. Население куча занимались земледелием, и обычаи кучарцев были схожи с хунскими и усуньскими. В науке установлено, что усунь - тюркоязычные [83], тесно связаны с Куча. Когда Куча процветал, государства на западе Гумо, Вэнтю и на севере - Агни (Карашахар) были под контролем

Куча. Они вместе с хуннами с самого начала выступали против ханьской империи.

А.Н.Бернштам отмечает, что с III в. до н.э. до I в. н.э. Восточный Туркестан был известен, как Уйгурстан [84], что отмечено и в китайских источниках. Широко распространившиеся в IV-V вв. в Восточном Туркестане племена теле боролись в эпоху тюркского господства за независимость, пытаясь освободиться из под контроля рода Ашина. «... в период правления Узетянь уйгуры, цеби, сицзе, хунь переселились в районы Ганочжоу, лянчжоу» [85]. Из этих сведений мы узнаем, что в эпоху Западно-тюркского каганата уйгурские племена делились на северные и западные. Западная часть территориально охватывала Восточный Туркестан, Тянь-Шаньский и Алтайские районы. Из этого следует, что уйгуры в ядре цебийских племен на юге и севере Тянь-Шаня продолжали свою жизнедеятельность и возобновили свою независимую государственность во главе с Гело - выходца из племен чебиш (цеби) [86].

Племена сеяньто тоже были уйгурскими. Следовательно, в V-VII вв. основная и большая часть уйгурских племен жила в Восточном Туркестане, а не в Монголии. В это время численность телесских в Восточном Туркестане составляла 600-700 тыс. [87].

После возобновления уйгурского каганата в Монголии в 744 году Кульбойла-каган всеми силами стремился установить политическое государство в Восточном Туркестане (СУАР). В обнаруженном Леккоком манихейском тексте (301-ТМ) сказано, что Элгутмиш-каган господствовал в степи, а его любимый сын Ильогеси Тюзлюг-бег правил городом Кочо [88].

В найденном в буддийском Туюзском храме письменном памятнике сказано, что покровителями считаются «наш божественный Бегитенрихан» и «правитель Кочо» Тюзлюг-бег. Этот документ датирован 767-780 г. [89]. Значит, начиная с момента принятия манихейства народы турфанской долины считали уйгурского каганата Бегюхана своим каганом. В найденной в Кочо деревянной табличке отмечено, когда в 767-768 гг. Алитутук стал князем Кочо, господство его распространилось на севере от Сачи (Дунухань) и на запад до Нуч Барскан [90].

По письменным источникам, до начала IX в. господствующие тюркские беки Кочо, города Турфанской долины и жившие в округе тюркские племена находились под властью уйгурского каганата. По сведению «Михирнамаг» (808-821 гг.), над большим городом Кочо правил Яглакар Инал, кроме этого еще два тюркских бека правили над Карашахаром [91].

В Терхинской надписи сообщается, что в результате военных походов на запад Уйгурский каганат в 756 г. подчинил себе тюркские племена Восточного Туркестана, возобновив свое господство в Каршахаре. В 795 году оказав сопротивление тибетцам, карлукам уйгуры вернули в свои владения Бешбалык и Кучар и дошли до Ферганы [92]. Из вышеотмеченного можно сделать вывод, что уйгуры еще до 840 года, т.е. с древнейших времен жили в Восточном Туркестане. Под разными этническими названиями обитали в широких пространствах Центральной Азии. Западная ветвь уйгуров (телесских племен) занималась земледелием, наряду с другими тюркскими и индоевропейскими племенами развивали земледельческую и городскую культуру Восточного Туркестана.

После распада Орхоно-уйгурского каганата племена восточных уйгуров переселились с пастбищных районов Монголии в Ганьсу и Восточный Туркестан и в очень короткий промежуток времени создали Турфанское идикутство, Гань-чжоуское государство и империю Караханидов. Некоторые ученые считают, что именно в этот период уйгуры перешли к оседлой жизни и развили культуру, отрицая древнюю связь и автохтонность уйгуров в Восточном Туркестане. По их мнению, основным населением восточного Туркестана являлись племена, говорившие на индоевропейских языках - саки, тохары, согдийцы ассимилированные уйгурами после IX века [93]. Однако можно подвергнуть сомнению подобные утверждения. Смогут ли эти племена ассимилироваться с «пришлыми» в IX в. скотоводческими уйгурскими племенами за короткий исторический промежуток времени?

Смогут ли длительное время господствовать те, кто не имел или лишился своего государства? Могли бы изгнанные и ослабевшие

уйгуры создать независимое государство? Множество возникающих вопросов вынуждают нас провести логический анализ.

Если не строить историческую науку, сравнивая письменные и другие исторические памятники с реальной возможностью, с фактами действительности и реальности, и не делать при этом логические анализы и на их основе строить выводы, то такая наука обречена. Такую науку никто не примет. Изученный материал позволяет сделать выводы, что в VIII-IX вв. основная часть уйгуров находилась в Восточном Туркестане, а переселившиеся с Орхона племена быстро слились с тамошними земледельческими и скотоводческими слоями населения, что было обусловлено их родственной близостью и общностью этнического происхождения.

Уйгуры вместе с другими тюркскими народами за короткий период времени вновь вышли на политическую арену в центральной Азии, что было возможно только при достаточно развитом уровне социально-экономической и культурной жизни. Они смогли охватить все народы Восточного Туркестана и Ганьсу в пределах своей политической власти и организации, распространили уйгурский язык и письменность, возведя их до уровня государственного. Уйгуры, обитавшие в Ганьсу и Монголии, считали Восточный Туркестан своей землей и своей Родиной.

Известный китайский историк Гу Бао, вновь проанализировав древние китайские хроники, касающиеся этногенеза уйгуров и проблемы коренного населения Восточного Туркестана, пришел к выводу, что действительно предками уйгуров были динлины, чили, гаочэ (гаогюй) теле. Уйгуры не появились впервые в 840 г. на территории, а уже в I-III вв. располагались в Восточном Туркестане. Повсюду южнее массива Танритаг (Тянь-Шань) еще до IX в., когда сюда пребыли уйгуры с Орхона, уже находились уйгурские поселения. Поэтому уйгурские переселенцы были коренным населением этих мест, автохтонными [94].

Автор далее указывает, что переселенцы - уйгуры с Орхона, не являясь основной массой местного населения, лишь слились с уйгурами Восточного Туркестана [95], а современный уйгурский этнос, таким образом, явился следствием этого. Таким образом, возможно динлины, теле, хуйхэ, Вэй уэр (уйгуры), занимавшиеся

земледелием на юге Тянь-Шаня и составили основу для этнического формирования народа [96].

Кроме в статье Гу Бао эта проблема была проанализирована в «Кратком своде материалов по истории уйгуров» Фэн Цзяшэном. В критике тезисов автохтонности уйгуров в Синьцзяне, в целом между этими двумя авторами антогонизма не было. Фэн Цзяшэн указывал, что уйгуры с I по V вв. жили на юге и севере Тянь-Шаня, но при этом считал, что они не были основной частью этноса, основная же часть уйгуров прибыла с Орхона [97]. Таким образом, происхождение современных уйгуров больше связано с уйгурами, прибывшими в IX веке с Орхона. Гу Бао же считает совершенно противоположное.

С выходом в свет упомянутой статьи Гу Бао, была опубликована статья профессора Чжоу Вэйчжоу. Она называлась «Повторное изучение вопросов этнического происхождения Синьцзянских уйгуров» (1981). В ней суждения Гу Бао резко критиковались. Основная идея сводилась к тому, что для уточнения вопросов происхождения народа, необходимо выяснить составляющие его роды, племена, союзы племен. Этническое самосознание Синьцзянских уйгуров можно наблюдать только с V в., когда появляются упоминания о Вуху, Вэйхэ, Юаньхэ. Более ранняя история их нам неизвестна [98]. Автор указывает, что попадает название динлин, гаочэ (гаогюй), теле, тюрки (туцзюе). Однако они не могут быть предками уйгуров [99]. Переселение в IX веке уйгуров в Синьцзян явилось значительным историческим событием. Если бы эти переселенцы не покорили и не ассимилировали жившие в Синьцзяне другие народы, то и современные уйгуры не сумели бы развиваться как отдельный народ, ибо жившие там с V века тюрки - были, по мнению автора, насильственно уйгуризированы [100].

Точка зрения Чжоу Вэйчжоу была нивелирована конкретными фактами известными ученым, профессором Су Бэйхай. В своей работе «Новые разработки по поводу этнического происхождения уйгуров» (1981) он высказал конкретные суждения, которые выдвигал еще 40 лет назад. Они касались этнической истории уйгуров и вопроса о коренном населении Восточного

Туркестана. Он не только резко раскритиковал своих оппонентов, но и высказал новые суждения о том, что уйгуры являются наиболее древним народом Восточного Туркестана (СУАР) и, в частности, долины Тарима. Им были собраны сведения различных источников, опровергающие широко распространенное мнение, существующие в западном востоковедении и китайской исторической науке относительно того, что только в IX веке уйгуры переселились в Восточный Туркестан, фактами и конкретным анализом китайских источников он доказал, что наиболее древними предками уйгуров были динлины. В период эпохи Чуньцю (770-477 гг. до н.э.) упомянутые в китайских источниках чили, теле, гаочэ (гаогюй) представляли собой лишь различные наименования динлинов, но все они являлись предками уйгуров. До рубежа нашей эры восточная ветвь динлинов жила в районе Байкала и южнее его - в долине реки Селенга, где занималась кочевым животноводством. Западная ветвь динлинов жила в районе Балхаша и Иртыша, юге и севере Тянь-Шаня. Под напором гуннов динлины, повернув на юг, переселились южнее и севернее Тянь-Шаня. Это подтверждает то, что еще до нашей эры, уйгуры расселялись на юге и севере Тянь-Шаня [101].

Автор, углубляя свою мысль, приходит к выводу, что уйгуры с древнейшего времени были основным народом, населяющим долину Тарима. Те уйгуры, которые в IX веке переселялись из долины Орхона, были лишь малой частью уйгурского народа [102]. Лишь соединившись с основной массой уйгуров в долине Тарима, представлявших наиболее многочисленный этнос региона, они очень быстро установили свой контроль над всей этой территорией. Они создали несколько независимых государств, ассимилировали малочисленные иранские народы, а также китайцев, гуннов, сяньби, жуань-жуань, эфталитов, тюрков, киданей, монголов и других, и постепенно трансформировались в современный уйгурский народ [103].

Профессор Су Бэйхай, будучи одним из авторитетов Китая в области истории Центральной Азии, и в частности, уйгуров, известен как автор многих работ об уйгурах в Восточном Туркестане в китайской историографии. Вопрос об автохтонности уйгуров был

долгое время центральным вопросом в его работах. Однако его взгляды были встречены рядом китайских ученых критически.

В «Китайской энциклопедии» в разделе "нация», после упоминания о дискуссии ученых, затрагивается вопрос об этногенезе уйгуров и проблеме автохтонности Восточного Туркестана. Там отмечается, что предками уйгуров были динлины. Кроме того, указывается, что динлины до нашей эры состояли из двух ветвей. Восточная ветвь располагалась у берегов Байкала, западная ветвь - в долине Иртыша. После V века динлины, в основном, жили в Восточном Туркестане. Большая часть - в районах Тянь-Шаня, от Кумула до Карашахара, другая часть - на юге Алтайских гор, а также долины Тарима, предгорий Кунь-Луны, у Чаркилика, Хотана. Вероятно, они держали под своим контролем районы севернее Кунь-Луны [104]. В этой связи следует отметить работу Лю Цзисяо, который впервые в китайской историографии XX века, касаясь истории уйгуров, в монографии «История уйгуров», первую главу посвятил проблеме этногенеза уйгуров, и пришел к очень серьезным и убедительным научным выводам. Понимая, что уточнение вопросов происхождения древних предков уйгуров является одной из важнейших целей его труда, автор провел всесторонний анализ материалов и пришел к кратким выводам, которые тем не менее являлись одними из наиболее важных в китайском уйгуроведении во второй половине нашего века. Основываясь на выводе, что предками уйгуров были динлины, он и начинает свою работу «История уйгуров» с динлинов [105].

К сожалению, автор рассматривая историю Восточного Туркестана (СУАР) в целом связывает ее с уйгурами лишь после того, как в IX веке они переселились из долины Орхона в Восточный Туркестан (СУАР). Хотя он и отмечает, что теле, гаочэ (гаогюй) - одно время вели войны с эфталитами, жуань-жуань за господство в этом районе, и в целом верно характеризует политическую обстановку, однако связывая это с этнической историей уйгуров, тем не менее он не говорит открыто о том, что история Восточного Туркестана и в частности, долины Тарима в V-VI вв. - это история уйгуров. Эта позиция отличается от позиции Су Бэйхая, Гу Бао, Фэн Цзяшэна и других исследователей своей излишней осторожностью и

неуверенностью. Указанные же авторы по этой проблеме высказывались яснее и определеннее. Поэтому, например, профессор Су Бэйхай, после изучения китайских письменных источников, относительно созданного в V веке Афучжило государства Гаочэ, четко характеризовал его: «Это одно из первых уйгурских государств и уйгуры уже в V-VI вв. вышли на политическую сцену Восточного Туркестана, и в частности, долины Тарима. Причем стали играть заметную роль в политической жизни всей Центральной Азии [106]. Профессор Су Бэйхай продвинул вперед острую дискуссию по поводу тесных взаимосвязей этнической истории уйгуров с народом известным под именем гаочэ (Гаогюй), ситуации в Восточном Туркестане и политической истории уйгуров, имевшую в китайской историографии 80-х годов.

То, что гаочэ (гаогюй) находились у истоков этнической истории уйгуров, отмечают в своих трудах крупнейшие ученые мира. В частности, русские исследователи Д. Позднеев [107], Г.Е. Грумм-Гржимайло [108], А.Л. Аристов [109], В.В. Радлов [110] и др. советские ученые - А.Н. Бернштам [111], Д.И. Тихонов [112], С.Г. Кляшторный [113] и др.; западные востоковеды - Х.Е. Паркер [114], Дж.Р. Гамильтон [115], В.М. Макговен [116]; турецкие ученые - Б. Огел [117], З.В. Тоган [118] и др. Китайские ученые также уделяли внимание исследованиям, посвященным гаогюйцам и опубликовали в этой связи специальные статьи. Так, например, профессор Дуань Лянцин в работе «Взаимосвязи в происхождении гаочэ и теле» (1987), Чжан Лянь в «О гаочэ в истории» (1983), профессор Вэй Лянтао «Гаочэ и государство Гаочэ» и другие отмечают, что гаогэй (гаочэ) находились у истоков формирования уйгурского этноса. В целом исследования по этногенезу уйгуров приводят к убеждению, что этническими предками уйгуров были динлины и гаогюйцы. Обоснованием таких выводов послужили сведения об уйгурах в китайских придворных хрониках. В начале средних веков в «Бэйши гаочэ чжуань», «Вэйшу гаочэ чжуань», «Суйшу гаочэ чжуань», «Цзютаншу», «Синьтаншу», «Цзы чжи тун цзянь» специально говорится об уйгурах и их предках. Авторы этих трудов, несмотря на то, что жили в разные политические эпохи Китая, дали подробные сведения об этническом происхождении, политико-экономических

отношениях, культуре тюркских народов, которые оказали немалое влияние на «северные народы» Китая, Монголии и Центральной Азии. В начале средних веков китайские историки пытались четко показать этническое происхождение уйгуров - в основном гаогюйцев и теле. Связанные с уйгурским этногенезом этнические названия, такие как: ди. Динлин, гаогюй, теле, хуйхэ, хуйху - построены в одной родственной линии. Написанные, таким образом, исторические сведения превратились в неразрушимые традиции китайской истории. Гипотезы о ди - динлин - гаогюй - теле - хуйхэ появились среди китайских, японских и европейских ученых вследствие распространения китайских сведений.

Труды китайских историографов V-XI вв. поддерживают эти предположения.

Если в «Вэйшу гаочэ чжуань» говорится, что гаочэ являются предками древних чили, в начале их называли дили, а китайцы их называли дили, а северные и китайские племена назывались гаочэ - динлин [119]. В «Синьтаншу хуйху чжуань» (XI в.) говорится: «Уйгуры в основном привыкли ездить на высоких телегах, и в эпоху юаньвэй они назывались гаочэ или чили. Имя чили потом переименовали на теле. Племенами теле являлись юаньхэ, сеяньто, цебе, еще встречались такие как вуху, вухэ; эти племена до Суйской империи назывались юаньхэ. Она вместе с племенами пугу, тонло, басмил организовали восстание и обеспечивали себе свободу и называли себя хуйхэ (уйгур)» [120].

В «Цзютаншу хуйхэ чжуань» говорится, что «хуйхэ (уйгуры) в эпоху Вэй назывались теле» [121]. В «Сушу теле чжуань» имеются сведения, что свыше 40 племен, распространившиеся на севере от озера Байкал, на западе до реки Волги, являлись племенами теле. Это были крупные племена среди племен теле, замеченные в «Синьтаншу» и «Цзютаншу». Значит, теле составляли уйгурские племена. Поэтому китайские историки считали теле уйгурами. В китайских источниках есть такая информация, которая наводит на размышление. Например, в «Вэйшу» был специальный раздел «Гаочэ чжуань», а в «Бэйши» были разделы «Гаочэ чжуань» и «Теле чжуань», в «Суйшу» - «Теле чжуань», в «Цзютаншу» - «Хуйхэ чжуань» и «Теле чжуань», в «Синьтаншу» - «Хуйхэ чжуань».

В чем причины подобного деления китайских средневековых источников?

В первую очередь, это связано с появлением на политической арене гаочэ. Они непрерывно сталкивались и воевали с племенами сяньби, жуань-жуань и йеда (эфталиты). В результате этого противостояния они сошли с политической арены. С образованием Тюркского каганата в 552 году в политической истории Евразии произошли резкие изменения. Это связано с усилением гаогюйцев, появлением их на политической арене и в результате борьбы за свободу. Из этого вытекает тесная связь динлин, гаочэ и теле с уйгурами (Хуйхэ).

Из вышеуказанных сведений мы узнаем, что гаогюй и динлин в VI-V вв. названы так китайцами. Эти названия не являются настоящими именами племен. Жуань-жуань и сяньби называли гаогюйцев «чили» или «дили». Следует обратить внимание на то, что жуань-жуань и сяньби в языковом отношении входили в алтайскую языковую семью, а этнически были тесно связаны с тюркскими племенами. Вместе с тем, начиная с эпохи Гуннской империи, они вошли в состав гунского общества и пополнили состав населения северной части империи. По языковым особенностям входившие в монгольскую группу языков племена сяньби и жуань-жуань называли динлинов «чили» или «дили». Следовательно гаогюй и динлины - это одно этническое ядро! Конечно же, китайские авторы оставили в письменных памятниках эту особенность и сохранилось китайское звучание. Нам не известен тюркский перевод этого слова. Мы знаем еще то, что этноним теле тоже имеет китайскую созвучность. Поэтому мы вправе утверждать, что лингвистически входящие в одну систему с теле племена сяньби и жуань-жуань, их произношения «дили» или «чили» входят в одну основу. Нам представляется, что гаогюй - наименование, данное китайцами по этнографическим признакам. Значит, можно утверждать, что настоящее имя гаогюйцев (высокие тележки) - теле.

Этот вывод подтверждает и то, что среди шести племен гаогюй были племена «дили». Названия теле и дили имеют одно звучание и этническую связь с племенами, жившими в V в. до н.э. - ди, чиди, байди. Этм этнонимы, как говорили В.Радлов [122],

Л.Потапов [123], Л.Гумилев [124] и многие другие, вероятно, имеют связь с сохранившимся до сегодняшнего дня алтайским народом телеуты, теленгиты. Еще нет единого мнения, что теле происходит от слова «тегерек» (повозка), либо имеет связь со встречающимся в древнетюркских письменных памятниках племенем «толис» или же связано со словом тюрк». Но слово «динлин» на древнетюркском языке читалось как «дуньянь». Это приводит к размышлению связано ли это с именем «туран», отмеченным в иранских письменных источниках. «Туран» действительно было общим названием тюркских народов и указывает на упомянутые в китайских сводах наименования «Дили», «Динлин». Вероятно, что «дили, динлин и теле» - китайский перевод слова «туран». Действительно время появления этнонимов «дили» и «динлин» в китайских источниках совпадает со временем появления наименования «туран» в иранских источниках. «Теле» тоже употреблялось как общее название тюркских народов евроазиатского материка до VII в., после распада уйгурского государства, созданного Афучжило в VI в.

Эти сведения появились, в первую очередь, в результате непосредственных отношений и связей китайских придворных историков с теле. Основой широких этногеографических познаний китайских ученых послужили сами племена теле или согдийские племена, либо другие купеческие народы Средней Азии. Китайские историки в повествованиях об уйгурах связывали теле с уйгурами, а в повествованиях о других тюркских народах связь теле с ними не наблюдается. Следовательно, мы можем быть твердо убеждены, что связь теле с уйгурами самая непосредственная - этногенетическая. Не случайно знаменитый русский востоковед А.Н. Бернштам считает теле уйгурскими племенами, рассматривает их в результате этнических исследований племен, хуйхэ (уйгуры), которые начиная с VII в. называются в китайских источниках «теле». В начале своей деятельности Тумынь сталкивался с племенами теле, в это время теле существовали не только в качестве племенного состава, а уже появились на мировой арене. Среди них большинство составляли уйгурские племена. Здесь уйгуры главенствовали над всеми племенами [125]. Эти высказывания ученого подтверждают

исторические факты. Исходя из сведений «Суйшу», А.Н. Бернштам делит племена на следующие группы:

1. Центральноазиатская
2. Тянь-шаньская
3. Алтайская
4. Среднеазиатская
5. Арало-каспийская
6. Прикаспийская
7. Южно-байкальская [126].

Он отмечает, что среди семи групп племен уйгурские племена занимали особое место. С установлением тесных связей Суйской империи (581-618 гг.) и Танской империи (618-907 гг.) с северными и западными тюркскими каганами усилились связи китайцев с племенами теле. По сведениям из «Суйшу» и «Таншу» в 605 г. северные теле восстали против Тюркского каганата и объявили себя уйгурами. С этого момента централизовавшиеся в Монголии и Южной Сибири племена теле стали называться уйгурами (хуйхэ), а южнее Кумула племена Алтая и Тянь-Шаня остались с именем «теле». В китайских источниках «Повествование о теле, о гаогюй», «Повествование о хуйхэ и хунху» рассматривались северные и западные теле: западные под именем теле, а северные уйгур (хуйхэ).

При изучении этногенеза уйгуров нельзя не принять во внимание, что до н.э. и в начале новой эры тюркоязычное население в Восточном Туркестане составляло основную массу. Связи и отношения между индоевропейскими народами и тюркскими племенами все более развивались.

По сведениям Птоломея, ойхарды (уйгуры) в I в.н.э. были основным населением на юге Тянь-Шаня и Таримской долины. Преобладание уйгуров способствовало постепенной ассимиляции населения, говорившего на индоевропейском языке. Этот процесс начался намного раньше, еще в эпоху Гунской империи. Культуру оседлого образа жизни в Восточном Туркестане возродили тюркские и индоевропейские народы, которые проживали здесь еще до нашей эры. Несмотря на то, что в Таримской долине было много народов, говоривших на индоевропейском языке, уйгуры в политическом

отношении сыграли главную роль. На севере Тянь-Шаня, Турфане и Кумульской долине жили в основном тюркские племена чэши (огузы), составившие один из компонентов этногенеза уйгуров [127].

Преимущество уйгуров в культурном, экономическом, политическом и демографическом отношении в конце концов сделали их хозяевами этого края. В этнический состав уйгуров вошли говорившие на индоевропейском языке тохары, саки, согдийцы. Это было следствием роста могущества уйгуров в результате территориального расширения и присоединения городов и государств. Естественно, что эти племена приняли участие в этногенезе уйгуров.

Все современные нации в своем этническом развитии присоединяли и включали в свой состав различные этнические элементы и таким образом постепенно формировались. В мире не существует такой национальности, которая не изменялась бы с момента ее происхождения. Уйгуры в своей этнической истории пережили такие же процессы.

Этногенез уйгуров происходил в широтах Центральной Азии. Восточный Туркестан сыграл важную роль и был основным географическим районом в истории этногенеза и уйгуров, став колыбелью уйгурского народа. Следует отметить, что многие советские и западные ученые в ходе этногенетического исследования истории уйгуров подтвердили, что племена ди, динлин, гаогюй и теле являются предками уйгуров. Это значит, что уйгуры являются древнейшим этносом Восточного Туркестана.

В результате вышеупомянутых обсуждений и дискуссий изучение этнической истории уйгуров было перенесено на еще более ранние исторический период и в ряде исследований китайских ученых им пришлось затронуть истоки этногенеза уйгуров. Этот вопрос был затронут профессором Дуань Ляньцином в результате своих многолетних изысканий в монографии «Динлины, гаочэ и теле» (1991). В своей во многом компилятивной работе он предложил очерк примерно 2000-летней этнической и политической истории Восточного Туркестана, Южной Сибири и Монголии, начиная с XVIII-XVII вв. до н.э. и примерно вплоть до V-VI вв., расширив за счет исследований западных и советских ученых

Центральной Азии, в частности, Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана, сопоставив все эти сведения с китайскими письменными источниками, он пришел к очень интересным выводам. Уже во введении он сделал резюме всей работы: «В научных кругах повсеместно признается, что динлины, гаочэ, теле являлись древними предками уйгуров. Таким образом, принимая во внимание то, что история динлинов, гаочэ, теле являлась древней историей уйгуров, и опираясь на исторические источники и археологические материалы, я определил идентичность этнического происхождения гуйфан, динлинов.

Объединив историю гуйфан, динлин, гаочэ, теле в одну книгу, раскрыв их происхождение и историю, одновременно попытался пролить свет на древнюю историю уйгуров. Это явилось не просто увлекательной научной проблемой, но и важнейшей реалистической сутью [128] по его замечанию.

Вышеуказанная сентенция автора как бы легла в основу его монографии. Для уяснения происхождения динлинов, он, прежде всего, обратился к повествованию о гаочэ в «Вэйшу».

В этом источнике сказано, что «Гаочэ были родственные древним чиди. Ранее называвшиеся дили, жившее на севере Чили, «в середине равнины» назывались «гаочэ динлины» [129].

Опираясь на эту информацию и сопоставив ее с другими источниками, в частности, повествованием о гаочэ из «Бэйши» (хроника северных династий), он сделал выводы о предках динлинов в эпоху Чуньцю (имеются в виду чиди), так как в то время чиди среди народов Байди, Чанди были наиболее древними, и известный ученый Ваи Говэй считал «чиди» предками всех северных народов [130].

Предположение Дуань Ляньцина о том, что предками динлинов являются «чиди», подтверждается многочисленными фактами. Во-первых, в эпоху западной Цзинь (263-316) динлины, переселившиеся с севера в центральные районы (горные динлины) были одной из ветвей западных динлинов, и их правителя называли себя Ди Ван. Значит, эти динлины были родственны друг другу. Во-вторых, среди гаочэ монгольских степей у шести племен также был род «ди», причем наиболее важный и основной.

Эти гаочэ в период эпох двух Хань (206 до н.э.-220 н.э.) - потомки северных динлинов. В-третьих, в период эпохи ранняя Цинь (221-206 до н.э.) в документах и повествовании Сыма Цяня «Шицзи» «ди» и «ди» используются в одинаковых значениях. То есть «ди»-«ди» в эпоху Чжоу жили на северо-западе и севере Китая. Этот же район - расположение динлинов в эпоху Хань. По мнению Ван Говэя, ди эпохи Чуньцю (770-476 до н.э.) и гуйфан эпохи Шан Чжоу (XVI-VIII вв. до н.э.) не связаны в этническом плане, а народ «ди» произошел от «гуйфанов» [131].

Согласно автору, гуйфаны жили на северо-западе Китая. В эпоху Шан они назывались гуйфан или гуй. В эпоху Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.) чжоусцы их называли ди. Существовали сведения, в частности «Губэнь чжушу цзинянь», о войне Чжоу с гуйфанами. «В 35 год увэй, Чжоу Ван и напал на находившихся на западе гуйфанов. Их предводителя взяли в плен» [132].

Отсюда видно, что правителя гуйфанов звали «Ди Ван». Еще глубже проанализировав материал, автор отмечал, что потомки гуйфанов - динлины жили между Балхашом и Байкалом, то есть в районах Южной Сибири. По его мнению, эти гуйфаны в эпоху Шан (XVII-XI вв. до н.э.) жили на территории Китая. Естественно, автор здесь имеет в виду Китай, противоборствующий в исторических письменных документах гуйфанам, которые в эпоху Шан Чжоу много раз вели войны с Шан-Чжоусцами. Упоминания о том, что гуйфаны переселились достаточно далеко. Опираясь на результаты археологических изысканий советских и монгольских ученых в Южной Сибири, автор приходит к выводу, что бронзовое оружие именно в это время было занесено в данный район [133].

После того, как автор изучил и критиковал работы советских археологов С.В.Киселева, Л.С.Васильева [134] и др., он начинает подвергать сомнению эту точку зрения. Более того, эта позиция характеризуется уже как политическая необходимость. Однако, вне зависимости от этого, Дуань Ляньцин много сделал для определения древних предков уйгуров.

Проведя глубокий анализ различных источников, он впервые не только в китайской историографии, но возможно и в мировом уйгуроведении, нарисовал достаточно четкую картину истории

уйгурской этнологии. Разумеется, это порождает необходимость еще более глубокого изучения вопроса.

После выдвижения гипотезы профессора Дуань Ляньцина, в развернувшейся дискуссии принял участие уйгурский ученый Тургун Алмас. Он затронул прежде всего проблемы, связанные с этнической историей и автохтонностью уйгуров в Восточном Туркестане (СУАР) [135]. В своей получившей широкую известность в стране монографии «Уйгуры» он использовал практически все доступные ему археологические и письменные источники, а также исследования зарубежных, прежде всего русских и советских ученых, сопоставив эти материалы с выводами, содержащимися в работах китайских историков.

Рассмотрев проблемы этногенеза и этнополитической истории уйгуров, Тургун Алмас называет их наиболее древним тюркоязычным народом Центральной Азии, история которого, по его мнению, можно проследить на протяжении восьми тысячелетий. Таким образом, им делается вывод о том, что Центральная Азия и прежде всего Восточный Туркестан являются исконной прародиной уйгуров, предки которых, имея различные этнические наименования, вели как кочевую, так и оседлую жизнь на данной территории. Совместно с другими соседними, родственными народами, они образовывали многонациональные государства имперского характера: империя сюнну, государство эфталитов, государство Гаогюй, Тюркский каганат, Уйгурский каганат, государство Караханидов, Турфанское идикутство, Ганьчжоуское государство и, наконец, Яркендское государство Саидия и т.д. [136].

Тургун Алмас последовательно приводит факты, свидетельствующие, по его мнению, о значительном политическом, социальном и культурном влиянии тюркских государств и этносов на китайские государства срединной равнины.

Работа Тургуна Алмаса вызвала сильную отрицательную реакцию со стороны китайских историков. Дискуссия, помимо профессиональных кругов, была вынесена на общественный уровень. В различных государственных научных, учебных и культурно-просветительных организациях Синьцзяна прошли расширенные заседания с участием известных китайских историков,

где идеи, изложенные Тургуном Алмасом, подверглись как научной критике, так и политическим обвинениям в «пануйгуризме» и «пантюркизме». Пад запрет попали практически все сочинения, принадлежащие Тургуну Алмасу: «Краткая история гуннов (сюнну)», «Древняя уйгурская литература».

Китайская историография XX века по этнической истории уйгуров Восточного Туркестана тесно связана с бурными политическими процессами, происходившими в Китае.

В китайской историографии древней и раннесредневековой политической и этнической истории уйгуров Восточного Туркестана в нашем столетии могут быть выделены два периода.

1 период - охватывает 1912-1949 гг., то есть непосредственно связано с периодом правления Гоминьдана (Китайской республики).

2 период - охватывает с 1949 года по настоящее время, то есть с момента образования КНР.

Если на первом этапе китайская историография XX века по истории уйгуров в Восточном Туркестане (СУАР) получила свое становление и формирование, то на втором этапе она получила дальнейшее развитие и сформировалась в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Для первого периода характерны источниковедческие и специальные тематические, а также историко-географические, археологические исследования, осуществленные такими учеными как Ван Говэй, Фэн Чень Цзюнь, Сян Да, Хуан Вэньби, Ван Живэй, Ли Футун и другими.

По сравнению с первым периодом, китайская историография по изучению Восточного Туркестана и уйгуров второго периода тесно связана со значительным прогрессом в развитии китайского уйгуроведения и прежде всего наличием традиции и научной школы для подготовки исследователей, с повышением научного уровня работ, расширением научной базы исследований, что в конечном счете привело к формированию в настоящее время отдельной отрасли китайской историографии - уйгуроведению.

Следует отметить, однако, что на данном этапе историографические исследования по изучению Восточного Туркестана претерпели значительное влияние политических

процессов, происходивших в этот период. Это влияние сказывается прежде всего в том, что политические установки существенно изменили традиционные концепции и исторические подходы к различным аспектам истории уйгуров Восточного Туркестана. И в первую очередь это связано с сознательным искажением ряда фактов этническое, политической и культурной истории уйгуров, их государственных образований.

Принимая во внимание эти обстоятельства, и в связи с политическими и социально-экономическими процессами, происходившими в КНР с 1949 по настоящее время в современной китайской историографии по истории уйгуров можно выделить три этапа.

1 этап - охватывает 1950-1966 гг. Этот период характеризуется «борьбой с правым уклоном», «местным национализмом», «ревизионизмом».

2 этап - охватывает период 1966-1978 гг., то есть годы культурной революции.

3 этап - охватывает период с 1978 по настоящее время, то есть этот период связан с проведением экономических рыночных реформ КНР и усилением борьбы с идеей национального раскола и отделения Восточного Туркестана из состава КНР.

Научные исследования этого периода значительно отличаются от других прежде всего уровнем научного подхода, ее методологии, количеством научных трудов, идеологической направленностью по истории Восточного Туркестана.

Это связано с изменениями взглядов ряда китайских ученых на проблемы истории уйгуров и их государственных образований раннего средневековья, что значительно меняет в целом научную концепцию по ранней и средневековой истории Восточного Туркестана под влиянием политических изменений в КНР.

Так, например, традиционно в китайской историографии подчеркивалось, что уйгуры имели свою государственность с древнейших времен и имели в определенной степени паритетные отношения с раннесредневековыми китайскими государствами, что нашла последовательное отражение в ранних историографических работах по истории Восточного Туркестана.

С момента образования КНР и проведения социально-экономических преобразований в китайском обществе, такая точка зрения претерпела значительные изменения в работах китайских историков. Такой подход четко прослеживается в работах Фэн Цзяшэна, Чэн Суло, Му Гуанвэня, Лю Чжисяо, Лянь Гань, Цянь Бочуань, Го Пинлянь, Су Бэйхай и других.

Например, Чэн Суло в 50 годы твердо стоял на позициях признания традиционной государственности уйгуров раннего средневековья [1]. Признавал существование Уйгурского каганата и других средневековых Уйгурских государств, использовал этнополитические термины «Уйгурское государство» (Уйгурский каганата). Теперь же в 80-е годы он отказался от прежних взглядов и убеждений и стал на позиции непризнания существования независимых уйгурских государств до периода раннего средневековья. Он стал развивать идею о том, что уйгурские государства, управляемые местной властью, которая по сути являлась частью государственного аппарата и была лишь несколько обособленной и отдаленной провинцией китайских государств [2].

Такая точка зрения в 80-90 годы в трудах китайских историографов получила дальнейшее развитие и имеет тенденцию к тому, чтобы стать официальной. В китайской историографии XX века по истории уйгуров раннего средневековья проблема этногенеза уйгуров, их автохтонности в Восточном Туркестане приобрела острый дискуссионный характер.

Такая дискуссия впервые широко развернулась в первой половине XX века, причиной тому являются следующие исторические события. В 30-40 гг. происходило ущемление прав уйгуров Синьцзяна, что вызвало в ответ у них усиление их чувства национального самосознания и стремления к национальному самоопределению, влившемуся в массовые акции. Это способствовало формированию в китайском обществе мнения об уйгурах, как о «враждебно настроенных сепаратистах», а проявление ими интереса к своему этническому происхождению, автохтонности в Восточном Туркестане (СУАР) и истории своей государственности, к традициям, культуре, религии, как мощный фактор, способствующий этим настроениям. Проблема этногенеза и

истории языка и письменности уйгуров в китайской историографии также заняли заветное место и получили политически тенденциозную трактовку.

Следует отметить, однако, что эта точка зрения не была единственной в работах современных китайских историков. Поиски выхода из тупика конфронтации способствовали появлению новых, так сказать, компромиссных, этногенетических гипотез и освещения истории уйгурской государственности и автохтонности в регионе. Например, историк Дуань Лянь Цинь высказывает мнение о том, что «этногенез уйгуров восходят к XVII в. до н.э., то есть к периоду китайской династии Шань-Инь (XVI-XI - до н.э.) [3]. Согласно его точке зрения, аргументированной сведениями из древнекитайских источников, племена, проживавшие на севере Китая, назывались «гуйфан» и являлись предками уйгуров. Это можно считать новой и нехарактерной для китайской историографии XX века гипотезой в отношении этногенеза уйгуров. Традиционным считалось мнение, согласно которому уйгуры переселились в Восточный Туркестан лишь после падения Уйгурского каганата в 840 г. н.э.

Такой точке зрения противопоставляется другая, согласно которой уйгуры являются коренными жителями Восточного Туркестана со времен, относящихся к первым векам до н.э., та же их часть, которая переселилась из долины Орхона после падения Уйгурского каганата, стала этногенетическим компонентом и обогатила регион традицией уйгурской государственности. Этот подход характерен для китайских исследователей, использовавших в своих трудах не только китайские, но и другие письменные источники - Су Бэй Хая, Гу Бао, Чэн Суло и уйгурских источников Китая, наиболее ярким представителем которых является Тургун Алмас.

Несмотря на дискуссионный и во многом противоречивый характер, можно сделать вывод о том, что китайская историография XX века по этнической и средневековой политической истории уйгуров стала важным разделом современной китайской исторической науки и, сохранив фундаментальные традиции китайских авторов средневековья, усилила их актуальную направленность и политическую тенденциозность.

Концепции китайской историографии XX столетия по истории уйгуров не лишены недостатков. Однако, несмотря на существующие различные гипотезы китайских ученых, в их работах, также как в русском и западноевропейском уйгуроведении, приводятся неоспоримые свидетельства источников об автохтонности уйгуров на территории Восточного Туркестана с древнейших времен. Источники свидетельствуют также о богатейшем культурном наследии и древней традиции государственности у уйгуров. Это подтверждается не только письменными свидетельствами, но и данными археологических изысканий.

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

1. По различным неофициальным данным, уйгурское население Восточного Туркестана насчитывает свыше 20 млн. человек. По гоминьдановской статистике уйгуров в 1945 году насчитывалось 3 млн. 700 человек, что составляло 80% населения региона, а в 1953 году - 3.6 млн. человек, 75% населения региона. В результате китайской эмиграционной политики демографическое положение уйгуров в СУАР резко изменилось.

2. Большая советская энциклопедия. - Москва, 1977, третье издание, т. 26, с.530-531.

3. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1992, с. 143.

4. Бернштам А.Н. Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа. - Алма-Ата, 1951, с. 272 (на уйгурском языке).

5. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - СПб. 1893, с. 19-20.

6. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.-Л., 1951, с.95.

7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.С. Казахстан: летопись трех тысячелетий. - Алма-Ата, 1992, с. 106.

8. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX века). - Алма-Ата, 1988, с. 39.

9. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства.-М., 1992, с.41.

10. Вернадский Г. Notes on the History of the Uigurs in Late Middle Ages. - Harvard Journal of Asiatic studies. - 1936, vol. 56.

11. Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV-XVIII вв. - межгосударственные отношения. - М., 1991, с. 5.

12. Лю Цзе. Джунго шисюе шигао (Очерк китайской историографии). - Чжэнчжоу, 1982, с. 4.

13. Чжан Мэмлунь. Чжунго шисюе ши (Китайская историография).- Ланьчжоу, 1983, т. 1, с. 28.

14. Чжунго вэньхуаши (История китайской культуры). - Пекин, 1991, т. 1, с. 66.

15. Дуань Ляньцинь. Динлин, гаочэ юй теле (Динлин, гаочэ и теле). - Шанхай, 1991, с.2.

ГЛАВА I-II

1. Литвинский Б.А. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана.- Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). - М, 1981,с.22.

2. Ван Живэй. Вэй Уэр (Чаньхуй) миньцзу минчэн яньбянь као (Исследование эволюции самоназвания уйгуров). - Юйгун, 1937, т.7, № 4

3. Там же.

4. Ван Живэй. Динлин миньцзуши (история диклинов). - Шисюе цзикань,1936, №2.

5. Ван Живэй. Юй Чэнь Юаньнань саньшэн хуйхэ, хуйхуй дэн минчэн (Беседа с господином Чэнь Юаньнанем об этнонимах хуйхэ и хуйхуй). - Юйгун, 1936, т. 4, № 10.

6. Ван Живэй. Вэй Уэрцзу гудай лиши - динлин юй гаочэ вэньти (Древняя история уйгуров - проблема динлинов и гаочэ). - Тяньшань Юекань,1935,т.1, №6.

7. Там же.

8. Гуаньюй Синьцзян туцуюе миньцзу вэньти чжэнлунь (Сборник статей дискуссий о тюркских народах Синьцзяна). - Аэртай, 1945, т.1,№ 2. Сибэй миньцзу зунцзяо шиляо вэньчжай. - Ланьчжоу, 1985, т. 2, с. 605.

9. Там же, с. 606.

10. Там же, с. 607.

11. Там же, с. 607.

12. Там же, с. 606-607.

13. Ван Ханьшэн. Лунь Синьцзяндэ хуйцзу юй хуйцзяо (О мусульманах Синьцзяна и исламской религии). - Дагубао, 1944,27 октября.

14. Фань Цюнь. Талиму пэньди жэнь чжундэ фэньбу (О расселении рас в Таримском бассейне).- Хэпин жибао. 1947,4-11 августа.

15. Ван Тунлин. Хуй Цзу (хуйхэ) лиши (История уйгуров). - Юехуа, 1947, сентябрь-октябрь.

16. Чжан Симань. Чжуня чаньхуй вэй шато мяо и као среднеазиатские сарты - потомки шато. - Бянь чжэн-гунлунь, 1941,т.1, №2.

17. Ли Футун. Хуйху сицянй илай шэншуай Као (Расцвет и упадок уйгуров после переселения на запад). - Дунбэй цзикань, 1941, № 1-2.

18. Ван Ханьшэн. Лунь Синьцзяндэ хуйцзу юй хуйизяо (О мусульманах Синьцзяна и исламской религии). - Дунбэй цзикань, 1941.Т.1, №2.
19. Су Бэйхай. Лиши шан Тяньшань наньбэй чжи миньцзу бяньцян (Переселение народов на юге и севере от Тяньшаня). - Синьцзян жибао, 1949,29-30 апреля и 1 мая.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Чэн Суло. Чжунго ва чаталардики уйгур тарихи таткикати (Исследование по истории уйгуров в Китае и за рубежом) - Сииньцзян ижтимаи панлар таткикати, 1988, № 2).
24. Фэн Чэнцзюнь. Гаочэ чжи сиюй чэши шаньшань гоженъ чжи фэньсань (Движение гаочэ на запад и рассредоточение чэши и шаньшаньцев) - Фужэнь сюечжи, 1942, т. 11, № 1-2.
25. Дин Су. Синьцзян чжу минь юй Вэйуэр жэнь (Коренное население Синьцзяна и уйгуры) - Минцзусюе яньцзю цзикань, 1946, № 5.
26. Там же.
27. Лифтун. Хуйхуши (История уйгуров). Тайбэй. 1963.
28. Лю Итан. Вэйуэр яньцзю. Чжэн чжун шу цзюй. Тайбэй. 1970.
29. Там же, с. 23-27.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же, с. 207.
33. Ван Живэй. Вэй уэрцу гудай лиши - динлин юй гаочэ вэньти (Древняя истории уйгуров - проблема динлинов и гаочэ) - Тяньшань юекань,1935.т.1, №6.
34. Го Индэ. Вэй уэр шилуе (Краткий очерк истории уйгуров). - Шанхай. 1952, с. 5-8.
35. Фань Сяо. Вэй Уэрцу цзюй Синьцзян као (Расселение уйгуров в Синьцзяне) - Гуанминь
36. Чжоу Лянькуань. Динлиндэ Жэньчжун хэ юйянь цзици юй мобэй чжунцзудэ гуань си (О расовых и языковых особенностях динлинов и их взаимоотношениях с народами северных песчаных районов) - Чжун шаньдасюе сюебао. - 1957, № 2.
37. Там же.
38. Чжоу Лянькуань и Чжу Боцзян сделали свои выводы на основе следующей советской научной литературы: С. В. Киселев. Древняя

- история южной Сибири. - М., 1951, с.459-500; Н.А.Баскаков. Классификация тюркских языков с исторической периодизацией их развития и формирования. Труды Института языкознания АН СССР. - М, 1952, т. I, с. 52; Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов КазССР /по антропологическим данным/ Антропологический сборник. 1 изд. АН СССР. - М, 1956, с. 238-298; Евтохова Л.А. Археологические памятники енисейских киргизов-хакасов. - Абакан, 1948; Греков В.Д. История монгольской народной республики. - М, 1954.
39. Чжу Боцзян. Динлин синь чжэн (Новый факт по проблемам динлинов) - Хуа дун шида сюебао, 1948, № 1.
40. Фэн Цзяшэн. Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэй Чэрцзу шилиао цзяньбянь (Краткий свод материалов по истории уйгуров). - Пекин, 1981, т. 1, с. 3-7.
41. Там же.
42. ХэИньчжун. Шилунь гун юань7-10шици хуйхэдэ шэхуй фачжань (Развитие уйгурского общества в VII-X веках) - Гуанси шифань сюеюань сюебао. 1952, № 1.
43. Сыма Пин. Хуйхэ лиши люе шу (Краткое изложение по истории уйгуров) - Лиши цзяо сюевэньти, 1958, № 1.
44. Фэн Цзяшэн. Сюнну миньцзу цзици вэньхуа (Сюнну и их культура). - Юйгун, 1937, т. 7, № 5.
45. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. См.: Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X-XIV вв.- М.-Л., 1966. с. 23; Исхаков ГМ. Краткая история уйгуров. - Алма-Ата, 1991. Введение, с.4.
46. Клапрот Ю. Сочинение о языке и письменности уйгуров. См.: Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X-XIV вв. - М-Л, 1966. с. 27.
47. Казембек А. Исследования об уйгурах. - СПб. 1841, с. 41.
48. Данная гипотеза В.Л. Васильева описана в работе Д.М. Позднеева «Исторический очерк уйгуров». - СПб. 1989, с. 50.
49. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - СПб, 1893, с. 20.
50. Чжоу Паньци. Син Юде. Люе лунь Хуйхэ (Краткий очерк об уйгурах) - Хэбэй шиюань сюебао, 1979, № 4.
51. Там же.

52. Синьцзян цзяньши (Краткая история Синьцзяна). - Урумчи, 1979, т. 1, с. 170-171. Лю Чжисяо. Уйгур тарихи (История уйгуров). - Пекин, 1988, т. 1, с. 130-135 и другие.
53. Клапрот Ю. Сочинение о языке и письменности уйгуров. См.: Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государств» X-XIV вв. - М.-Л» 1966, с. 27; Казембек А. Исследования об уйгурах - журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. XXXI, отд. - II СПб, 1941, с. 43, с. 48, с. 120; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - Т. I. М., 1950, с. 214.
54. Валиханов Ч. Ч. Собрание соч. в пяти томах, Т. II. - Алма-Ата, 1962, с.338-339.
55. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - СПб, 1853, с. 127; Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). - СПб, 1899, с. 11-13; Грумм-Грижмайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. - Л, 1926, с. 14; Бартольд В.Л. Очерк истории Семиречья. Ф., 1943, с. 31.
56. Малявкин А.Г. Материалы по историк уйгуров IX-XII вв. - Н., 1974, с.6, с.15, с.18.
57. Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (Проблемы этнокультурной общности) Восточный Туркестан и Средняя Азия. - М., 1984, с. 4-23.
58. Малявкин А.Г. Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во второй половине IX в. Центральная Азия и Тибет - История и культура Востока Азии. - Н., 1972, с. 80-84; Материалы по истории уйгуров... С. 15, с. 18.
59. Сюе Цзунчжэн. Ту Цюе Ши (история тюрков). - Пекин, 1882, с. 25-27.
60. Там же. с. 25-27.
61. Бернштам А.Н. Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа. - А, 1951, с. 3 (на уйгурском языке).
62. Бернштам А.Н. Проблемы истории Восточного Туркестана. - ВДИ, 1947, №2, С.71.
63. Чэн Суло. Вэй уэрцзу цюйчжу Синьцзян као (О автохтонности уйгуров в Синьцзяне). Тан Сун. Хуйху лиши лунь вэньцзи. - Пекин, 1993. с. 40.
64. Вэйлюе Сижун Чжуань (вэйское обозрение). См.: Чэн Суло. Тан Сун. Хуйху ши луньвэньцзи (сборник статей по истории династии Тан, Сун и уйгуров). - Пекин, 1993, с. 33.
65. Наньцишу Жуаньжуань чжуань (История Южной Чи, повествование о жухньжуанах). См.: Гу Бао. Гудай Синьцзяндэ иньюе удао юй гудай шэхуй (Общество и танцевальная музыкальная культура древнего Синьцзяна). - Урумчи, 1987, с. 139.
66. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. - М.-Л., 1950, с. 214-216.
67. Бернштам А.Н. Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа. - А.- 1951, с. 90 (на уйгурском языке).
68. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. - М.-Л, 1950, с. 214-215.
69. Синьтаншу Хуйхучжуань (Новая Танская история). Повествование об уйгурах.
70. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.-Л-1951, с.62.
71. Неразик Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения южного и юго-восточного Приаралья в IV-VIII вв. - История, археология и этнография Средней Азии. - С, 1968, с. 207.
72. Hamilton J/ Toquz et On-uyguz - Journal asiatique, LCCI, 1962, P.1.
73. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. - Л, 1951, с. 231.
74. Гинзбург В. В., Жиров Е.В. Антропологические материалы из Кенкольского Катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР, сборник МАЭ Т-Х. - Л, 1849, с. 113.
75. Махмуд Кашгарский. Дивану лугат-ат тюрк (словарь тюркских языков) - Урумчи, 1981, Т. I, С. 49 (на уйгурском языке).
76. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1988, с. 194.
77. Бернштам А.Н. Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа. - А., 1851, с. 65 (на уйгурском языке).
78. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М, 1988, с. 195.
79. Махмуд Кашгарский. Дивану лугат-ат тюрк (словарь тюркских языков). - Урумчи, 1981, Т.1, с. 151 (на уйгурском языке).
80. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М, 1988, с. 281.
81. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М, 1992, с. 564.
82. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. -Ашхабад, 1969, С. 62-70.

83. Сиратори Куракити Сэйики си кэнкю (Исследования по истории Западного края). - Токио, 1981, С. 46-47.
84. Бернштам А.Н. Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа (на уйгурском). - А., 1951, С. 33.
85. Цзютаншу Телечжуань (Старая Танская история. Повествование о Теле).
86. Там же.
87. Чэн Суло. Тан, Сун, Хуйху ши луньвэньци (Сборник статей истории династий Тан, Сун и уйгуров). - Пекин, 1993, С. 46.
88. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1992, С. 146-147.
89. Там же. - С. 146-147.
90. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1988, С. 338.
91. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М., 1992, С. 152.
92. Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация). - Советская тюркология, 1980, № 3, С. 91-92.
93. Васильев В. П. Китайская надпись на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне. - СТАЭ, вып. 3. - СПб, 1987. - С. 25.
94. Гу Бао. Синьцзян вэйуэрцэу цзуюань синьтань (Новое исследование этногенеза Синьцзянских уйгуров). - Чжунго шэхуйкэсюе, 1980. №6.
95. Там же.
96. Там же.
97. Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэрцэу ши ляо цзяньбянь (Краткий свод материалов по истории уйгуров). - Пекин, 1981. - Т. 1. - С. 3-7.
98. Чжох Вэйучжоу. Етань Синьцзян вэйуэр цзу цзуюань вэньти (Повторное изучение вопросов этнического происхождения Синьцзянских уйгуров). - Сибэй лиши цзыляо, 1981. - № 2.
99. Там же.
100. Там же.
101. Су Бэйхай. Уйгурларнин этник мэнбэси тогрисида йени изди-ниш (Новые разработки по поводу этнического происхождения уйгуров). - Синьцзянь ижтимай панлар таткикати, 1981. - № II.
102. Там же.
103. Там же.
104. Чжунго байкэ чуаньшу. «Миньизу» («Китайская энциклопедия» - нация). - Шанхай-Пекин, 1986. - С. 449; Средневековые мусульманские авторы и русские советские ученые тоже отмечают то, что уйгуры проживали в Восточном Туркестане с древних времен. Махмуд Кашгарский. Дивану лугат-ат тюрк. З.Т. Ташкент, 1960. - Т. 1. - С. 134-135; Урумчи, 1981.-Т.1.-С.151; Рашид ад-дин. Сборник летописей.- М, Л, 1952. - Т.1. - С. 83-84; Поднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб, 1899. - С. 11-23; Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья.- Фрунзе, 1943. - С. 31; Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана.- М» Л, 1961. - С. 33; Клосон Дж. О названии уйгур - исследование по уйгурскому языку. - Алма-Ата, 1965. - С. 209-229; Кабиров М.Н. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. - Алма-Ата. 1975. - С. 38-43 и др.
105. Лю Чжисяо. Уйгур тарихи (История уйгуров). - Пекин, 1988. - Т. 1. - С. 9.
106. Су Бэйхай. Уйгурларнин этник мэнбэси тогрисида йени издиниш (Новые разработки по поводу этнического происхождения уйгуров). - «Синьцзян ижтимай панлар таткикати», 1981. - № 11.
107. Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). - СПб. 1899. - С. 23-24.
108. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Уранхайский край. - Л, 1926. - Т. II. - С. 174-175; Он же. Историческое прошлое Байшаня в связи с историей Средней Азии. - СПб. 1898. - С. 48.
109. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. - Живая старина. - Т. 1-IV, 1896. СПб. - С. 439.
110. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. -СПБ. 1893. -С. 83-86.
111. Бернштам А.Н. Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа. - Алма-Ата, 1951. - С. 67-69.
112. Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X-XIV вв. - М, Л, 1966. - С. 22; Кызласов Л.Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917. - М, 93. - С. 55.
113. Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (предварительная публикация). - Советская тюркология, 1981. - № 3.
114. Parker X.E. Thousand Years of the Tartars. - New York, 1924. (Перевод на китайский язык). - Изд. Нанкин, 1937. - С. 113-114.

115. Hamilton J.R. Les Ouighours al'epoque des cinqdynasties d'apres les documents chinois. - Paris, 1955. (Перевод на китайский язык). - Урумчи, 1988.-С.1.
116. McGovern B.M. The early Empire of Central Asia. - The University of Month Carolina Press, 1939. - P. 405-472.
117. Bahaeddin Ogel. Islamiyettin once Turk Kultur tarixi. - Ankaras, 1988. -B.204, 347-352.
118. Zeki Velidi Togan. Umumi Turk tarixine giris. Istambol, 1970. - B. 272-274.
119. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. - М, Л, 1950. - Т. I. - С. 214.
120. Синьтаншу Хуйхэжуань (Новая Танская история повествования об уйгурах).
121. Цзю таншу Хуйхэжуань (Старая Танская история повествования об уйгурах).
122. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - СПб. 1893.
123. Потапов Л.П. Народы Южной Сибири в VI-VII вв. - материалы по древней истории Сибири. - Улан-Удэ, 1964. - С. 377.
124. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1993. - С. 13.
125. Бернштам А.Н. Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа (на уйгурском языке). - А., 1951. - С. 93.
126. Там же. С. 91-92.
127. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - СПб, 1893. - С. 127; Позднеев Н.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). - СПб,1899. - С. 11-23; Су Бэйхай. Вэйуэр цзу лиши шандэ ди игз хань го. - Таоуэго - Каши шифаньсюе юань сюебао, 1987. - № 3.
128. Дуань Ляньцинъ. Динлин, Гаочэ юй Теле (Динлины, гаочюй и теле). - Шанхай, 1991. - С. 2.
129. Там же.-С. 410.
130. Ван Говэй. Гуйфан кунь сянь юй као (Исследования проблем гуфана, кунь, сяньюй). - Гуаньтан цзилинь. -Т. 13.
131. ДуаньЛяньцинъ. Динлин гаочэ юй теле (Динлины, гаочэ и теле). - Шанхай, 1991. - С. 411.
132. Там же. - С. 411-412.
133. Там же. -С 412.
134. Васильев Л.С. Происхождение древнекитайской цивилизации. Вопросы истории. 1974, № 2.

135. Тургун Алмас. Уйгурлар (Уйгуры) (на уйгурском языке). - А, 1992. - С. 3-4.
136. Там же.-С. 3-4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу лиши Феньци Вэньти (О периодизации истории уйгуров). - Пекин, 1956. - С. 39-41.
2. Чэн Суло. Хуйхэдэ синьци цзици хэ танчаодэ туаньси (Развитие Уйгурского государства и их взаимоотношений с династией Тан). - Лиши цзяосюе, 1979. - № 7.
3. Дуань Ляньцинъ. Динлин гаочэ юй теле (Динлин, гаочэ и теле). - Шанхай, 1991. - С. 410-411.